U 283/1047

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ М. К. ЛЮБАВСКАГО:

ЛИТОВСКО-РУССКІЙ СЕЙМЪ.
ОПЫТЪ ПО ИСТОРІИ УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ СВЯЗИ СЪ ВНУТРЕННИМЪ СТРОЕМЪ И ВНѢШНЕЮ ЖИЗНЬЮ ГОСУДАРСТВА.

РЕЦЕНЗІЯ

Проф. Ѳ. И. Леонтовича.

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о XLV присужденіи наградъ графа Уварова»

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1904.

~~8965~~

И 283/1047

98

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
30525-45

Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. М. К. Любавскаго.

М. 1901. Стр. 1—850. Приложенія, стр. 1—232.

Рецензія профессора **Ѳ. Леонтовича.**

Настоящее изслѣдованіе, по заявленію самаго автора, представляетъ дополненіе и продолженіе перваго труда автора — «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута». Въ первомъ трудѣ авторъ главное вниманіе удѣлялъ мѣстной организаціи и мѣстной политической жизни по различнымъ областямъ литовско-русскаго государства. Въ настоящемъ трудѣ главное вниманіе удѣляется государственному центру и развивавшейся въ немъ политической жизни и организаціи.

Изслѣдованіе г. Любавскаго состоитъ изъ введенія и семи главъ. Въ концѣ изслѣдованія помѣщены приложенія, съ дословнымъ изложеніемъ текста извлеченныхъ изъ Литовской Метрики актовъ, относящихся къ исторіи литовско-русскихъ сеймовъ при Сигизмундѣ I (20 актовъ) и Сигизмундѣ-Августѣ (59 актовъ).

Въ введеніи авторъ опредѣляетъ общую природу главнаго предмета своего изслѣдованія — «великаго вальнаго сойма литовско-русскаго государства ко времени Люблинской уніи», главнымъ образомъ, на основаніи законовъ, относящихся къ этому учрежденію по Статуту 1566 г. По словамъ автора, въ этихъ законахъ «выраженъ, можно сказать, наиболѣе общій итогъ соціально-политической исторіи этого государства за время его самостоятельнаго существованія. По этимъ законамъ оказывается, что ко времени Люблинской уніи власть литовско-русскаго господаря подверглась сильному ограниченію со стороны общества». Господарь обязанъ

2020126340

былъ назначать войну, налагать на землевладѣльцевъ всякаго рода подати и сборы на военные расходы, опредѣлять размѣры военной повинности и издавать всякіе новые «уставы» не иначе, какъ съ согласія и «призволенья» великаго вальнаго сойма, на основаніи его постановленій («ухвалъ земскихъ»). Въ этомъ ограниченіи верховной власти литовско-русскаго господаря участвовали далеко не всѣ классы литовско-русскаго общества, а только нѣкоторые, имѣвшіе право и обязанность собираться на вальный соймъ, — «станы, сойму належачіе». Къ такимъ «станамъ» авторъ относитъ: во 1-хъ, духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, составлявшихъ господарскую раду, или государственный совѣтъ великаго княжества, урядниковъ земскихъ и дворныхъ, а также землевладѣльческую знать — князей и пановъ хоругвныхъ, т. е. крупныхъ землевладѣльцевъ шляхетскаго званія, являвшихся на войну съ своими отрядами («почтами») подъ собственною хоругвью, а не подъ общею хоругвью повѣта; въ 2-хъ, пословъ земскихъ, или депутатовъ, выбираемыхъ всѣми землевладѣльцами шляхетскаго званія на повѣтовыхъ сеймикахъ. По замѣчанію автора, сеймовые «станы» были различными разрядами одного и того же общественнаго класса — «шляхетства», или «народа шляхетскаго», размноженью вольностей котораго былъ посвященъ Литовскій Статутъ. На великомъ вальномъ соймѣ не получили участія и представительства ни духовенство, какъ таковое, ни мѣщанство, ни крестьянство, ни тотъ низшій военно-служилый классъ, который не былъ отличенъ «оздобою» шляхетства. Наканунѣ Люблинской уніи (1569 г.) получили мѣсто на сеймѣ представители мѣщанъ стольнаго города Вильны, съ правомъ высказывать мнѣнія лишь по дѣламъ, касавшимся Виленскаго мѣста. Такимъ образомъ, «ко времени Люблинской уніи въ великомъ княжествѣ литовскомъ сложилось представительное учрежденіе, какъ по своей компетенціи и значенію, такъ и по составу, довольно близкое къ польскому сейму. За этимъ учрежденіемъ такъ же, какъ и за польскимъ сеймомъ, было признано право «вольнаго обранья» господаря, и оно de jure и de facto сдѣлалось главнымъ носителемъ верховной власти государства и распорядителемъ его судебъ». Исторію возникновенія и дальнѣйшаго роста этого-то учрежденія, въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства, авторъ и старается выяснить въ послѣдующихъ главахъ своего изслѣдованія.

Глава первая посвящена вопросу о «происхожденіи литовско-русскаго сейма, его составѣ и функціяхъ въ начальной стадіи его развитія». Подъ «литовско-русскимъ» сеймомъ авторъ разумѣетъ собственно соймъ литовскаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и отличаетъ отъ него возникшій позже изъ него же «великій вальный» соймъ, когда къ его первоначальному составу — къ князьямъ, панамъ и боярамъ собственно литовской

земли присоединились князья, паны и бояре изъ всѣхъ остальныхъ земель, входившихъ въ составъ литовско-русскаго государства. По словамъ г. Любавскаго, «литовско-русскій сеймъ, какъ государственное учрежденіе съ извѣстнымъ признаннымъ значеніемъ, зародился въ эпоху установленія уніи великаго княжества съ Польшею. Событія эпохи вызвали къ политической дѣятельности крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, дали имъ возможность обнаружить свою мощь и значеніе и повлекли за собою признаніе извѣстныхъ правъ за ихъ совокупностью въ лицѣ литовско-русскаго сейма. Такое признаніе даетъ себя выслѣдить по источникамъ отъ 1401 года, и къ этому году и можно пріурочить рожденіе литовско-русскаго сейма» (стр. 10). Въ дальнѣйшемъ развитіи изложенныхъ положеній г. Любавскій исходитъ изъ той мысли, что въ данномъ случаѣ не должна идти въ счетъ первая унія съ Польшей, состаявшаяся въ 1395 г.: она была заключена одними князьями безъ участія бояръ (стр. 11). Литовскіе бояре выступили на сцену государственной дѣятельности только въ концѣ XIV в. послѣ «крушенія» областныхъ князей. Раньше бояръ литовскихъ заслоняли собой князья Гедиминова рода, получившіе въ управленіе цѣлыя области государства и рѣшавшіе общими соглашеніями всѣ важнѣйшіе общегосударственные вопросы. «Князья, такимъ образомъ, были главными вершителями судебъ государства, пока возгорѣвшаяся между этими князьями междоусобная борьба и затѣмъ унія съ Польшей не вызываютъ къ политической самостоятельности и бояръ и не даютъ имъ возможность проявить на дѣлѣ свою силу и общественно-политическое значеніе. Крушеніе, постигшее областныхъ князей Гедиминовичей къ концу XIV в. (когда сошли со сцены почти всѣ крупные князья, — стр. 21), бывшее отчасти послѣдствіемъ этого выступленія литовскаго боярства на политическое поприще, очищаетъ этому боярству мѣсто при великомъ князѣ, въ высшемъ совѣтѣ государства. Первостепенные литовскіе бояре становятся на ряду съ уцѣлѣвшими князьями ближайшими совѣтниками и сотрудниками великаго князя, а когда представляются особенно важныя дѣла, собирается весь сонмъ литовскаго боярства и рѣшаетъ судьбы государства» (стр. 43—44). Это-то право участія бояръ въ распоряженіи судьбами государства осуществилось въ формѣ литовскаго сейма: въ первый разъ такой сеймъ былъ созванъ въ 1401 г. Такимъ образомъ, по мнѣнію Любавскаго, главной причиной возникновенія литовскаго сейма нужно считать междоусобную борьбу литовскихъ князей и измѣну съ ихъ стороны національнымъ интересамъ Литвы. «Когда совѣтъ и согласіе покинули правящій княжескій родъ вмѣстѣ съ должнымъ пониманіемъ національныхъ интересовъ, тогда и мѣстные вожди литовско-русскаго общества проявили политическую самодѣятельность и заставили своихъ государей признать за ними право на участіе при распо-

ряженіи судьбами государства. Такъ и возникъ литовско-русскій сеймъ, какъ органъ, черезъ который это право должно было осуществляться въ жизни» (стр. 43—44). Кромѣ указанной главной причины, были также другія обстоятельства, способствовавшія образованію сейма. Таково прямое воздѣйствіе поляковъ на государственный строй Литвы, какъ и подражаніе литовцевъ полякамъ. «Устанавливая унію съ Литвою, польскіе паны имѣли сначала дѣло только съ ея князьями. Но когда обязательства князей оказались недостаточными, польскіе паны вызвали къ договору и другія крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, сеймъ литовскихъ бояръ» (стр. 35). «Ихъ участіе въ этомъ дѣлѣ (заключеніи уніи съ Польшею) потребовалось тѣмъ болѣе, что съ польской стороны въ качествѣ договаривающейся стороны выступили не только лица, коимъ принадлежала корона, но также епископы и высшіе свѣтскіе сановники-паны. Эти епископы и высшіе сановники вмѣстѣ съ шляхтою и впредь имѣли на своихъ сеймахъ рѣшать важнѣйшіе вопросы, связанные съ уніею обоихъ государствъ. Ясное дѣло, что по требованіямъ равноправности, провозглашеннымъ въ актѣ уніи, и со стороны великаго княжества должно было въ рѣшеніи такихъ вопросовъ участвовать собраніе, подобное польскому сейму, благо что и въ литовскомъ обществѣ были на лицо элементы, сходные съ польскими панами и шляхтою» (стр. 45). Возникновеніе литовскаго сейма, наконецъ, «облегчено» было неразвитостью великокняжеской власти. «Великіе князья не могли чувствовать себя и сознавать полными собственниками и устроителями своего государства, не могло признавать ихъ таковыми и литовское общество. Поэтому и всѣ важнѣйшія дѣла государства великіе князья должны были рѣшать по совѣту и согласію съ другими сильными и вліятельными вождями общества. Послѣ разгрома, постигшаго въ концѣ XIV в. крупныхъ, областныхъ князей, таковыми вождями оказались князья волостные и бояре, и великіе князья принуждены были сообща съ ними устраивать судьбу государства, соединяя его съ Польшею» (стр. 45). Наконецъ, касательно состава первоначальнаго литовско-русскаго сейма г. Любавскій приходитъ къ тому заключенію, что изъ всѣхъ «становъ, сойму належачихъ», раньше другихъ заняли въ немъ мѣста: католическіе бискупы, литовско-русскіе князья и литовскіе первостепенные бояре, или паны, состоявшіе и несостоявшіе въ разныхъ должностяхъ (позднѣе: паны рада, княжата, панята, или паны хоругвные), и рядовые литовскіе бояре (позднѣе — шляхта), въ случайномъ составѣ собиравшіеся на сеймъ. Послѣдніе, по всѣмъ признакамъ, играли на сеймѣ еще чисто пассивную роль, приглашались или допускались на сеймъ для моральной поддержки сейму, для приданія вящшаго авторитета его постановленіямъ. Эти постановленія исходили изъ круга князей и пановъ, а рядовое боярство, не имѣвшее еще

постояннаго и правильнаго представительства на сеймѣ, вѣроятно, давало только свое молчаливое или громкое (per acclamationen) согласіе или одобреніе. Поэтому и первоначальный литовско-русскій сеймъ по справедливости можно назвать сеймомъ литовско-русскихъ князей и литовскихъ пановъ (стр. 36).

Во второй главѣ настоящаго изслѣдованія авторъ старается выяснить процессъ образованія общаго литовско-русскаго сейма, функціонировавшаго въ княженіе Казимира и Александра подъ названіемъ «великаго вальнаго сойма». По мнѣнію г. Любавскаго, учрежденіе это возникаетъ на почвѣ порожденной Городельской уніей 1413 г., національно-политической борьбы въ литовско-русскомъ государствѣ въ XV в. «Привилей 1413 г. устанавливалъ, какъ правило, что на должности воеводъ, каштеляновъ и проч. должны назначаться изъ бояръ впредь только католики; они же исключительно должны допускаться къ совѣщаніямъ при великомъ князѣ, когда дѣло будетъ идти о благѣ государства. Но католикъ и знатный литовскій бояринъ въ данномъ случаѣ являются почти синонимами» (стр. 49). «На всѣхъ видныхъ административныхъ постахъ великаго княжества источники послѣ 1413 г. указываютъ знатныхъ литовскихъ бояръ, изрѣдка князей» (стр. 50). «Но не только на отдѣльныхъ должностяхъ и въ будничной правительственной работѣ сотрудничаетъ высшее литовское боярство съ великимъ княземъ. Послѣдній не рѣшаетъ безъ совѣщанія съ этимъ боярствомъ ни одного сколько нибудь изъ ряда выходящаго государственнаго дѣла» (стр. 51). «Прошло то время, когда великій князь литовскій держалъ всѣ земли своего государства при помощи родственныхъ князей и сообща съ этими родственниками и вершилъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла» (стр. 57). «На мѣсто главныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ великаго князя, занимавшееся прежде князьями, при Витовтѣ стали знатные литовскіе бояре. Вмѣстѣ съ этою перемѣною и политическое преобладаніе собственной Литвы въ составѣ земель великаго княжества литовскаго опредѣлилось еще рѣзче и сильнѣе почувствовалось, чѣмъ прежде, — начало превращаться уже въ настоящее господство. Послѣдовавшія послѣ смерти Витовта общественно-политическія движенія въ нѣдрахъ великаго княжества литовскаго привели сначала къ смягченію, а потомъ и къ извѣстному ограниченію политическаго господства собственной Литвы, что въ свою очередь сказалось и въ измѣненіи состава изучаемаго учрежденія, т. е. литовско-русскаго сейма» (стр. 60—61). «Порядокъ вещей, утвердившійся въ литовско-русскомъ государствѣ со времени Городельской уніи со всѣми сопровождавшими его послѣдствіями, долженъ былъ порождать и накоплять въ русскихъ людяхъ великаго княжества непріязненныя къ себѣ чувства. Высшее боярство русскихъ областей, состоявшее изъ православныхъ людей,

не могло быть довольно прямымъ исключеніемъ его отъ тѣхъ правъ и вольностей, которыя пожалованы были высшему литовскому боярству, состоявшему изъ католиковъ, не могло быть довольно и устраненіемъ его отъ высшихъ государственныхъ должностей и отъ участія въ разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ» (стр. 61). «Только по смерти Витовта русскіе люди получили возможность дѣятельно вмѣшаться въ устроеніе какъ внѣшней судьбы, такъ и внутренней жизни государства въ своихъ интересахъ» (стр. 62). «Возведеніе на великое княженіе Свидригайла было крупнымъ ударомъ, нанесеннымъ жизнью уніи 1413 г. и положенію литовскаго панства, созданному этою уніею. Это возведеніе совершилось не только помимо воли Ягайла и польскихъ пановъ, но и съ участіемъ русскихъ людей, которое не только не предусматривалось, но прямо исключалось Городельскимъ привилеемъ 1413 г. Собраніе, избравшее Свидригайла, не было сеймомъ польскихъ и литовскихъ прелатовъ, пановъ и шляхты, а собраніемъ литовскихъ и русскихъ князей и бояръ, предвѣстникомъ позднѣйшаго великаго вальнаго сойма всѣхъ земель великаго княжества» (стр. 65). «Возведенный на великое княженіе при поддержкѣ русскихъ князей и бояръ, Свидригайло опирался на нихъ и въ своей правительственной дѣятельности. Его «вѣрная рада» состояла не изъ однихъ только католиковъ-литовцевъ, но и изъ схизматиковъ-русскихъ. Православные русскіе люди участвовали въ совершеніи всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ актовъ, исходившихъ отъ Свидригайла» (стр. 66). «Итакъ, политическій перевѣсъ отъ собственной Литвы сталъ уже склоняться на сторону подчиненной ей Руси. Литовская правящая знать, чтобы удержать пріобрѣтенную позицію, поспѣшила примириться съ поляками и въ союзѣ съ ними устранить Свидригайла съ великокняжескаго престола» (стр. 69). «Устраняя Свидригайла съ великаго княженія и возобновляя унію съ Польшею, литовскіе паны разсчитывали вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить и свое прежнее положеніе въ государствѣ. Это имъ удалось только отчасти. Русскіе люди оказались такою политическою силою, съ которою поляки и литовцы сочли за лучшее войти въ извѣстный компромиссъ. Результатомъ этого было уничтоженіе исключительности привиллегій, дарованныхъ высшему литовскому боярству въ 1413 г., распространеніе ихъ и на русское некатолическое боярство. Для упроченія уніи необходимо было, чтобы она давала извѣстныя выгоды не одному только литовскому панству, но и русскимъ князьямъ и боярамъ великаго княжества. Этого можно было достигнуть распространеніемъ на русскихъ православныхъ князей и бояръ тѣхъ правъ и вольностей, которыя были пожалованы литовскимъ панамъ и боярамъ въ 1413 г. Польскіе послы въ тотъ же самый день, когда заключенъ былъ договоръ объ уніи, т. е. 15 октября (1432 г.), отъ имени короля Ягайла и съ согласія вел.

кн. Сигизмунда выдали привилей, коимъ русскіе князья и бояре (principes, nobiles et bojari), подданные литовской земли, уравнивались въ правахъ съ католиками-литовцами» (стр. 75). «Привилей 1432 г. выданный уполномоченными короля Ягайла на сеймѣ литовской знати, устранялъ тѣ преграды, которыя ставилъ участію русскихъ бояръ въ политической жизни великаго княжества литовскаго Городельскій привилей 1413 г. и открывалъ возможность государственныхъ совѣщаній съ участіемъ въ нихъ православныхъ русскихъ бояръ великаго княжества. Правда, что этотъ привилей относится собственно только къ такъ называемой Литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ и не распространялся еще на обывателей остальныхъ русскихъ областей великаго княжества, остававшихся вѣрными Свидригайлу, такъ что отъ него нельзя еще вести начало литовско-русскаго сейма въ обширномъ смыслѣ, или «великаго вальнаго сойма»; — но во всякомъ случаѣ онъ залагалъ въ государственную жизнь великаго княжества принципы, коими облегчилось установленіе этого учрежденія. Отъ уравненія въ правахъ съ Литвою Литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ былъ уже одинъ шагъ къ уравненію въ правахъ и остальныхъ русскихъ земель» (стр. 76), что и было сдѣлано уже при Казимирѣ на основаніи привилея 1447 г. (стр. 97—100). «Области-аннексы великаго княжества литовскаго не участвовали въ возведеніи Казимира на великое княженіе. Это возведеніе было собственно дѣломъ самой сильной партіи литовскихъ пановъ. Такой образъ дѣйствій господствующей земли и на этотъ разъ, какъ и при возведеніи на великое княженіе Сигизмунда Кейстутовича, вызвалъ въ областяхъ великаго княжества оппозицію» (стр. 104—105). Оппозиція эта была подавлена Литвой; тѣмъ не менѣе «области великаго княжества въ началѣ великокняженія Казимира настолько дали почувствовать Литвѣ ихъ силу и значеніе, что литовское правительство въ послѣдующее время уже не считало возможнымъ рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы безъ ихъ вѣдома и согласія и приглашало въ важныхъ случаяхъ ихъ знать на литовскій сеймъ» (стр. 111). «Тѣ юридическія огражденія, коими привилей 1413 г. обставилъ соціально-политическое преобладаніе литовскаго панства, были снесены и въ дальнѣйшемъ русскимъ людямъ открывалось уже свободная, закономъ не воспрещенная дорога и къ высшимъ должностямъ, и въ господарскую раду, и въ раду посполитую, т е. въ сеймъ великаго княжества» (стр. 166). Итакъ, «образованіе великаго вальнаго сойма литовско-русскаго государства знаменовало собою уничтоженіе исключительности политическаго господства собственной литовской земли. Это уничтоженіе было результатомъ той энергической борьбы, которую вели области-аннексы великаго княжества противъ господствующей земли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV ст. Во время этой борьбы они наглядно показали свою силу и значеніе и заставили

господствующую землю пойти на компромиссъ и сдѣлать имъ рядъ уступокъ въ смыслѣ уравненія въ правахъ и вольностяхъ и участія въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ» (стр. 168; ср. также стр. 151).

Кромѣ основнаго вопроса о происхожденіи «великаго вальнаго сойма литовско-русскаго государства», г. Любавскій въ той же второй главѣ своего изслѣдованія трактуетъ о составѣ и компетенціи сеймовъ, собиравшихся при Казимирѣ и Александрѣ.

На стр. 111—126 авторъ разсматриваетъ по сохранившимся источникамъ въ хронологическомъ порядкѣ сеймы, собиравшіеся при Казимирѣ, съ конца 1445 г. до 1478 г. По замѣчанію г. Любавскаго, «главными участниками всѣхъ этихъ сеймовъ были литовскіе паны, которые занимали высшіе уряды земскіе и дворные и считались спеціальными совѣтниками господаря, составляли его *раду*. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ сеймовъ несомнѣнно были только болѣе или менѣе полными собраніями этихъ пановъ радныхъ (consiliarii). Но на нѣкоторыхъ сеймахъ источники отмѣчаютъ, сверхъ того, шляхту-рыцарство великаго княжества; таковы были, напр., Берестейскій сеймъ 1446 г., Виленскій сеймъ 1456 г., Виленскій сеймъ 1468 г. Но, сверхъ того, Длугошъ и другіе источники очень опредѣленно говорятъ и о созывѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ *вальныхъ соймовъ* князей, пановъ и бояръ со всего великаго княжества, отъ всѣхъ его земель. Таковы вышеуказанные сеймы: Виленскій 1446 г., Виленскій 1451 г., Виленскій 1453 г. и др. Эти факты убѣждаютъ насъ, что уже при Казимирѣ возникло то самое учрежденіе, съ которымъ намъ придется встрѣчаться довольно часто въ дальнѣйшей исторіи литовско-русскаго государства: я разумѣю «великій вальный соймъ». Въ настоящемъ случаѣ литовско-русское государство не отстало далеко отъ своего союзника-Польши, гдѣ въ то время также организовалось учрежденіе, аналогическое и параллельное «великому вальному сойму» литовско-русскаго государства. Возникновеніе этого учрежденія при Казимирѣ подготовлено было, какъ уже сказано, тою національно-политическою борьбою, которая велась въ великомъ княжествѣ между господствующею землею и ея аннексами, между Литвою и Русью, подвластною Литвѣ, и знаменовало собою компромиссъ между ними. Необходимо, однако, замѣтить, что народившееся новое учрежденіе не вытѣснило собою стараго, возникновеніе котораго было разсмотрѣно въ первой главѣ. Прежній литовско-русскій сеймъ временъ Ягайла и Витовта продолжалъ собираться и при Казимирѣ, расширяясь въ великій вальный соймъ въ особо важныхъ случаяхъ, когда согласіе и поддержка областей-аннексовъ великаго княжества были необходимы. Можно даже замѣтить значительное расширеніе дѣятельности этого первоначальнаго сейма, особенно въ его уменьшенномъ составѣ (т. е. господарской рады). Мы видѣли, что при Ягайлѣ и Витовтѣ

компетенція этого сейма признана была по части устроенія внѣшней судьбы государства и избранія господаря, и сеймы собирались тогда именно для этихъ цѣлей. При Свидригайлѣ и затѣмъ при Казимирѣ эта компетенція перешла уже къ сеймамъ расширеннаго состава, или къ великимъ вальнымъ соймамъ, какъ называли ихъ позже. Тѣмъ не менѣе не прекратилась дѣятельность по этой части и сеймовъ первоначальнаго состава. На нихъ велись предварительные переговоры и совѣщанія, обсуждались и рѣшались различные частные вопросы, такъ или иначе связанные съ предметами, подлежавшими рѣшенію на великомъ вальномъ соймѣ, и такимъ путемъ подготовлялись постановленія, состоявшіяся на этихъ послѣднихъ. Кромѣ того, компетенція и практика сеймовъ первоначальнаго состава расширилась въ другихъ направленіяхъ: на этихъ сеймахъ и съ ихъ участіемъ господарь сталъ издавать новые законы, налагать временныя подати, рѣшать разнообразные вопросы внутренняго управленія и внѣшней политики. Привилеи, данные имъ князьямъ, прелатамъ, панамъ и боярамъ великаго княжества, какъ уже было сказано выше, поставили его въ сильную зависимость отъ этихъ классовъ, болѣе всего — отъ высшихъ классовъ собственной Литовской земли и тѣсно связанной съ нею Литовской Руси, которые представляли наиболѣе сплоченную массу наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Національно-политическая борьба, развившаяся въ XV в., привела, такимъ образомъ, не къ уничтоженію политической гегемоніи Литвы, а только къ ограниченію исключительности литовскаго господства въ литовско-русскомъ государствѣ» (стр. 129—130).

Въ хронологическомъ же порядкѣ г. Любавскій разсматриваетъ сеймы, имѣвшіе мѣсто при Александрѣ, и замѣчаетъ, что «въ особо важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ устроеніи судьбы всего государства, на вальный соймъ приглашались князья, паны и бояре со всего государства, не только изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, но и изъ его земель — аннексовъ. Такіе великіе вальные соймы въ разсматриваемое время собирались въ 1492, 1499, 1505 и 1506 гг. Первый изъ этихъ сеймовъ собирался для возведенія на великокняженіе Александра. Изъ Городна разосланы были по всѣмъ землямъ великаго княжества грамоты съ приглашеніемъ на соймъ. Паны (рада) извѣщали, что они положили соймъ въ Вильнѣ — «землямъ всимъ зъѣхатися на день Св. Ильи» и просили старшихъ изъ этихъ земель, «десять або двадцать, або колько ся вамъ увидить» пріѣхать на соймъ, а остальныхъ — остаться при замкѣ на всякій случай, «для часу пригоды». Въ концѣ іюля 1492 г. въ Вильнѣ собирался общегосударственный соймъ, въ которомъ участвовали паны — рада и «старшіе» землевладѣльцы — князья, паны и бояре изъ всѣхъ областей — аннексовъ. Такіе же общегосударственные сеймы всѣхъ земель великаго княжества

собирались въ 1499 и 1505 г. для заключенія уніи съ Польшею. Г. Любавскій полагаетъ, что сеймъ 1505 г. не былъ только сеймомъ пановъ радныхъ, какъ онъ изображается въ хроникахъ (Ваповскаго, М. Бѣльскаго и Стрыйковскаго), но великимъ сеймомъ, на которомъ присутствовали и землевладѣльцы изъ разныхъ земель великаго княжества; по всѣмъ даннымъ на этотъ сеймъ пріѣзжали преимущественно, если не исключительно, «старшіе» (по Гурскому optimates et consiliarii) изъ областей великаго княжества. Наконецъ, въ 1506 г. всѣ литовскіе «паны и княжата со всими землями, прислухаючими къ великому князству едностайною волею» избрали на великое княженіе Сигизмунда. По словамъ Стрыйковскаго, земли великаго княжества представлены были на этомъ сеймѣ «послами отъ воеводствъ и повѣтовъ». Г. Любавскій, впрочемъ, полагаетъ, что «врядъ ли здѣсь можно разумѣть пословъ въ собственномъ смыслѣ, для избранія которыхъ по отдѣльнымъ землямъ слишкомъ мало было времени. Скорѣе всего это были такіе же «старшіе» землевладѣльцы, которые участвовали и въ избраніи великаго князя Александра, и которые могли пріѣхать на сеймъ безъ процедуры избранія, немедленно по полученіи приглашенія» (стр. 149). «Изъ приведенныхъ данныхъ относительно общегосударственнаго литовско-русскаго сейма въ промежуткѣ времени отъ 1492 г. по 1506 г. включительно обнаруживается съ полною ясностью, что это учрежденіе окрѣпло и окончательно установилось въ литовско-русскомъ государствѣ, и что выяснилась и опредѣлилась извѣстная его компетенція. Компетенція эта признана была въ двухъ дѣлахъ: въ дѣлѣ избранія новаго господаря и въ дѣлѣ установленія уніи съ Польшею» (стр. 150). «Всѣ другія важныя дѣла государства рѣшались либо на сеймахъ господаря съ панами радою, либо на сеймахъ съ участіемъ шляхты — бояръ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Обычныя текущія дѣла господарь рѣшалъ частію единолично, частію по совѣту съ тѣми панами — радою, которые въ данный моментъ находились при его особѣ» (стр. 169). «Ходъ вещей въ дальнѣйшемъ привелъ къ расширенію компетенціи этой «посполитой рады», къ обязательному ея участію въ обложеніи населенія военными и денежными повинностями и въ выработкѣ новыхъ законовъ. Первое опредѣлилось уже при Сигизмундѣ какъ фактически, такъ и юридически, а второе — только фактически, юридически же только при Сигизмундѣ-Августѣ (въ Статутѣ 1566 г.)» (стр. 150).

Глава третья разбираемаго сочиненія трактуетъ о «великихъ вальныхъ соймахъ при Сигизмундѣ I, ихъ составѣ и функціяхъ». Какъ и въ предыдущей главѣ, сеймы этого времени разсматриваются авторомъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ созыва, съ Виленскаго сейма 1507 г. до послѣдняго при Сигизмундѣ Берестейскаго сейма 1544 г. включительно.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что г. Любавскій въ настоящей главѣ, какъ и въ остальныхъ, больше всего трактуетъ о событіяхъ, служившихъ поводомъ созыва сеймовъ (войнахъ съ Москвой и татарами, уніи съ Польшей и пр.), и затѣмъ объ отдѣльныхъ постановленіяхъ, состоявшихся на каждомъ сеймѣ въ порядкѣ ихъ изложенія въ «земскихъ ухвалахъ» сеймовъ или въ уставахъ и универсалахъ господаря. Главнымъ вопросамъ о сеймахъ, именно о ихъ составѣ и компетенціи, посвящено въ настоящей главѣ всего 59 страницъ; остальныя страницы (всего 81) посвящены подробному обзору событій, предшествовавшихъ сеймамъ, и состоявшихся на нихъ постановленій. Мы приведемъ главныя положенія, формулированныя авторомъ въ концѣ настоящей главы (стр. 301—310) о значеніи сейма въ настоящей стадіи его развитія, — главнымъ образомъ о «его успѣхахъ какъ по внѣшней формулировкѣ, такъ и по значенію въ политической жизни страны». По словамъ автора, «великій Виленскій сеймъ 1507 г. (впервые созванный при Сигизмундѣ I) открываетъ собою новую эпоху въ исторіи литовско-русскаго сейма. Великіе вальные соймы съ этого времени созываются главнымъ образомъ для полученія денежныхъ субсидій отъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Рядовая шляхта, которая на ряду съ знатью привлекается къ платежу этой субсидіи, принимаетъ въ этихъ сеймахъ постоянное участіе. На первыхъ порахъ рядовая шляхта изъ областей — аннексовъ присутствуетъ, по видимому, viritim, поголовно, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ. Но съ теченіемъ времени вырабатывается правильное представительство ея» (стр. 181). «Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ въ 1511 г., когда мобилизація разстроила великій вальный соймъ, собравшійся въ Берестьѣ. Задумавъ собрать новый сеймъ въ Вильнѣ для рѣшенія вопросовъ, не конченныхъ въ Берестьѣ, Сигизмундъ распорядился, чтобы державцы собрали шляхту въ своихъ повѣтахъ и предложили ей выбрать двоихъ представителей, давши имъ «зуполную моцъ». Съ того времени избраніе шляхетскихъ пословъ входитъ въ обычай и окончательно устанавливается въ сеймовой практикѣ. Не смотря на организацію правильнаго представительства, шляхтѣ не возбранялось присутствовать на сеймахъ и лично. Вслѣдствіе этого и нѣкоторые сеймы, какъ, напр., Берестейскій 1515—1516 г. и Берестейскій 1544 г., отличались большимъ многолюдствомъ. Господарь, пользуясь собраніемъ своей рады, рѣшалъ на сеймахъ множество текущихъ дѣлъ, выдавалъ пожалованія на имѣнія, производилъ судъ и пр. Поэтому на сеймы съѣзжалось множество шляхты по своимъ личнымъ дѣламъ. Эту шляхту также привлекали къ занятіямъ сейма. Документы, относящіеся къ великимъ вальнымъ сеймамъ Сигизмундовой эпохи, даютъ возможность ознакомиться ближе и съ аристократическими элементами, входившими въ составъ этихъ

сеймовъ. Оказывается, что кромѣ высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, составлявшихъ господарскую раду, на сеймы собирались и другіе урядники, старосты и державцы, тивуны Жмудскіе, хоружіе и подкоморіе, всѣ вообще княжата и панята, такъ что въ общемъ великій соймъ составляли: паны — рада, урядники, княжата, панята и рыцарство — шляхта всѣхъ земель великаго княжества. Сверхъ князей и пановъ, состоявшихъ въ различныхъ должностяхъ и званіяхъ и по этимъ должностямъ и званіямъ имѣвшихъ мѣсто на сеймѣ, туда вызывались лица старинныхъ княжескихъ и панскихъ фамилій, предки которыхъ участвовали на сеймахъ временъ Витовта и Свидригайла. Очевидно, что по отношенію къ этимъ фамиліямъ установилась уже извѣстная политико-юридическая традиція, признававшая ихъ «станами, сойму належачими». Они вызывались на сеймы лично». По вопросу о составѣ великаго вальнаго сейма Сигизмундовой эпохи г. Любавскій приходитъ къ заключенію, что «уже при Сигизмундѣ этотъ составъ опредѣлился въ полномъ объемѣ. Позднѣйшія реформы коснулись только организаціи шляхетскаго представительства, но не коснулись самыхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался сеймъ, если не считать введеніе на сеймъ Виленскихъ бурмистровъ съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, относившимся до Виленскаго мѣста» (стр. 303—305).

Что касается, затѣмъ, дѣятельности великихъ вальныхъ сеймовъ при Сигизмундѣ I, то г. Любавскій излагаетъ по этому вопросу слѣдующія общія положенія. «До Сигизмунда I общегосударственные сеймы созывались въ двухъ случаяхъ: во 1-хъ, когда приходилось избирать новаго господаря; во 2-хъ, когда приходилось заключать унію съ Польшею. Рѣшеніе этихъ вопросовъ было уже признано правомъ общегосударственнаго сейма. Въ разсматриваемое время (т. е. при Сигизмундѣ I) право это оставалось въ силѣ, и общегосударственному сейму, какъ и ранѣе, приходилось избирать господаря и выступать въ качествѣ договаривающейся стороны въ переговорахъ объ уніи съ Польшею. При Сигизмундѣ общегосударственный сеймъ рѣшалъ и такіе вопросы, которые при Казимирѣ и Александрѣ рѣшались на сеймахъ пановъ — рады и военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Можно сказать, что за великимъ вальнымъ сеймомъ стало уже признаваться извѣстное право въ этомъ отношеніи. Расширеніе компетенціи великаго вальнаго сейма въ этомъ направленіи было вполнѣ естественно. Войны для литовскаго правительства въ XVI в. были уже почти немыслимы безъ денежныхъ субсидій, безъ наложенія экстраординарныхъ военныхъ тягостей на землевладѣльцевъ великаго княжества. Поэтому правительство и старалось заручиться предварительнымъ согласіемъ ихъ на начатіе или продолженіе войны для

того, чтобы легче было получить и самую субсидію или согласіе на болѣе тяжское обложеніе военною повинностію въ натурѣ. Большая часть великихъ вальныхъ соймовъ въ правленіе Сигизмунда созывалась именно съ этою послѣднею цѣлью. При участіи великаго вальнаго сойма и съ его одобренія изданъ былъ при Сигизмундѣ и сводъ законовъ великаго княжества, извѣстный подъ именемъ Литовскаго Статута. Приступивъ къ кодификаціи существующихъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, Сигизмундъ счелъ нужнымъ пользоваться въ этомъ случаѣ экспертизою становъ сейма и прямымъ ихъ участіемъ въ составленіи свода законовъ. Въ данномъ случаѣ со стороны литовско-русскаго господаря обнаружилось признаніе за станами сейма права слѣдить за сохраненіемъ своихъ правъ и вольностей и допускать измѣненіе и отступленіе отъ нихъ не иначе, какъ по добровольному согласію, за своею «ухвалою», т. е. обнаружилось тоже самое признаніе, которое проявлялось и въ обращеніи къ станамъ сойма за «ухвалою» серебщины и опредѣленіями обороны земской. Но дальше этого пока еще не шли уступки господаря сейму. Шестой артикулъ третьяго раздѣла Статута 1529 г., обязывая господаря соблюдать старинные законы и обычаи, въ тоже время предоставлялъ ему издавать новые законы ко благу государства «з ведомостью и порадою и с призволеньемъ» однихъ только пановъ — рады, но не всѣхъ становъ сейма. Можно сказать поэтому, что при Сигизмундѣ выяснилось и установилось право великаго вальнаго сейма участвовать въ законодательствѣ постольку, поскольку съ этимъ связано было сохраненіе существующихъ законовъ и обычаевъ или отступленіе отъ нихъ. Право же участвовать въ созданіи всѣхъ вообще новыхъ законовъ опредѣлилось гораздо позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, въ Статутѣ 1566 г. Впрочемъ, фактическое участіе великаго вальнаго сейма въ законодательствѣ уже при Сигизмундѣ I было гораздо шире его признаннаго права по этой части. Оно проявлялось въ «ухвалахъ» тѣхъ предложеній, которыя правительство считало нужнымъ вносить на разсмотрѣніе сейма, и въ тѣхъ «уставахъ», которые устанавливалъ господарь съ панами — радою по просьбѣ становъ сейма. Просьбамъ становъ сейма обязаны были своимъ происхожденіемъ не только извѣстныя законодательныя опредѣленія, состоявшіяся при Сигизмундѣ I, но и нѣкоторыя частныя правительственныя распоряженія. Можно сказать, поэтому, что великій вальный сеймъ принималъ нѣкоторое участіе и въ административной дѣятельности центральнаго правительства» (стр. 305—310).

Глава четвертая сочиненія г. Любавскаго представляетъ собой отдѣльное изслѣдованіе о «составѣ и политическомъ значеніи господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ». Глава эта посвящена разъясненію слѣдующихъ вопросовъ: 1) о роли литовско-русской аристократіи въ лицѣ

пановъ-рады на великихъ вальныхъ соймахъ при Сигизмундѣ I; 2) о генезисѣ господарской рады, должностяхъ и званіяхъ, соединявшихся съ мѣстами въ господарской радѣ, и о іерархіи этихъ мѣстъ; 3) о фамильномъ составѣ великокняжеской рады, преобладаніи князей и пановъ литовскаго происхожденія и историко-соціальныхъ основаніяхъ этого преобладанія; 4) о правительственной роли и политическомъ значеніи господарской рады и о сеймахъ пановъ — рады; 5) объ учрежденіяхъ при господарѣ и радѣ великаго княжества: канцеляріи и скарбѣ; наконецъ 6) о высшихъ земскихъ и дворныхъ урядахъ. Изученіе изложенныхъ вопросовъ привело автора къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ о роли и значеніи господарской рады, какъ одной изъ составныхъ частей литовско-русскаго сейма. «На великихъ вальныхъ соймахъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ активная роль и рѣшающій голосъ принадлежали преимущественно панамъ — радѣ великаго княжества. Шляхта большею частію слѣдовала за панами — радою и сравнительно рѣдко проявляла инициативу и самостоятельность, и при томъ главнымъ образомъ уже къ концу разсматриваемой эпохи. Преобладаніе пановъ радныхъ на великихъ вальныхъ соймахъ обусловливалось частію ихъ политическимъ авторитетомъ, которымъ они пользовались въ качествѣ постоянныхъ совѣтниковъ и правительственныхъ сотрудниковъ литовско-русскаго государя на высшихъ государственныхъ должностяхъ, а частію ихъ соціальнымъ преобладаніемъ въ качествѣ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, располагавшихъ въ общей сложности огромными рессурсами по части людей и денегъ, подавлявшими рессурсы шляхты отдѣльныхъ земель, не исключая и собственной Литвы. Это преобладаніе на литовско-русскомъ сеймѣ господарскихъ совѣтниковъ и высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ не отразилось однако на его самостоятельности и не сузило его роли до роли простаго совѣщательнаго учрежденія. «Посполитая рада» великаго княжества Литовскаго, какъ показываютъ факты, собиралась не за тѣмъ только, чтобы ознакомить господаря съ положеніемъ дѣлъ и общественнымъ настроеніемъ, дать ему совѣтъ и изъявить готовность на жертвы для государства, но для того, чтобы активно рѣшать государственные вопросы первостепенной важности, стоявшіе на очереди. Такая самостоятельность сейма находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что и преобладавшая на немъ господарская рада въ разсматриваемое время вышла изъ роли простого совѣщательнаго учрежденія при господарѣ, сдѣлалась не только господарскимъ, но и государственнымъ совѣтомъ великаго княжества литовскаго, который отдѣльно и независимо отъ господаря сталъ на стражѣ государственныхъ интересовъ великаго княжества отъ возможнаго ихъ нарушенія не только со стороны, но и самимъ литовско-русскимъ господаремъ, до извѣстной степени ограничилъ власть этого господаря.

При такихъ условіяхъ не удивительно, если сеймованіе оказалось въ концѣ концовъ политическою школою для рыцарства шляхты, содѣйствовало извѣстной консолидаціи этого сословія и пробужденію въ немъ разнообразныхъ сословныхъ и политическихъ стремленій, нашедшихъ себѣ впослѣдствіи осуществленіе. Шляхта несомнѣнно въ данномъ отношеніи слѣдовала примѣру своей «старшей братьи» — пановъ радныхъ, которые на сеймахъ обращались съ различными требованіями къ литовско-русскому господарю, хотя и облеченными въ форму «просьбъ», смѣло и твердо выступали съ заявленіями о различныхъ правонарушеніяхъ и непорядкахъ, допускаемыхъ господаремъ, и suo motu предлагали разнообразныя государственныя улучшенія» (стр. 426—427).

Въ пятой главѣ своего сочиненія г. Любавскій трактуетъ объ организаціи шляхетскаго сословія въ литовско-русскомъ государствѣ къ половинѣ XVI в. Здѣсь авторъ ставитъ на очередь ознакомленіе съ тѣмъ «станомъ», который при Казимирѣ и его сыновьяхъ игралъ второстепенную роль на сеймовыхъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ, а при Сигизмундѣ-Августѣ наоборотъ — главную и первостепенную, т. е. съ шляхтою — рыцарствомъ великаго княжества литовскаго. Чтобы понять политическое возвышеніе этого стана и тѣ сословныя и политическія стремленія, съ которыми онъ выступалъ на сеймахъ въ великокняженіе Сигизмунда — Августа, необходимо ознакомиться съ его успѣхами по части сословной консолидаціи и съ его сословною организаціею, какъ они опредѣлились къ тому времени» (стр. 428). Съ этою цѣлью авторъ разбираетъ документальныя данныя о составѣ шляхты по привилеямъ 1387 и 1413 г., расширеніи этого состава въ силу послѣдующихъ привилеевъ и другихъ узаконеній до конца первой четверти XVI в., о правахъ и вольностяхъ шляхты до Сигизмунда-Августа и пр. Въ настоящей главѣ авторъ воспроизводитъ собственно то, о чемъ онъ подробно говоритъ еще въ первомъ своемъ трудѣ — объ областномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи литовско-русскаго государства. Мы, поэтому, не будемъ останавливаться на основныхъ воззрѣніяхъ автора по изложенному вопросу, извѣстныхъ изъ упомянутаго его перваго труда.

Глава шестая посвящена вопросу о «великихъ вальныхъ соймахъ при Сигизмундѣ-Августѣ до 1566 г. и о расширеніи сословныхъ и политическихъ правъ шляхты». Здѣсь, какъ и въ третьей главѣ о сеймахъ при Сигизмундѣ I, авторъ обращаетъ главное вниманіе на данныя, относящіяся къ «внутреннему строю и внѣшней жизни» государства, и ставитъ на заднемъ планѣ вопросъ объ организаціи самыхъ сеймовъ. Въ то время, какъ послѣднему вопросу посвящено всего 14 страницъ (стр. 551, 552, 698, 699, 706, 713—717, 731—734), о событіяхъ, вызывавшихъ въ данное

время созывъ сеймовъ, и о содержаніи разнообразныхъ предложеній правительства и шляхетскихъ петицій съ послѣдовавшими на нихъ сеймовыми «ухвалами», говорится въ настоящей главѣ на протяженіи 208 страницъ. Въ своемъ обзорѣ настоящей главы мы ограничимся лишь тѣми небольшими замѣтками, какія изложены авторомъ касательно собственно литовско-русскаго сейма. По замѣчанію г. Любавскаго, «Сигизмундъ-Августъ, подобно своему отцу, не обходился безъ великаго вальнаго сойма при рѣшеніи всѣхъ сколько нибудь важныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ внѣшнею и внутреннею жизнью литовско-русскаго государства, — не считалъ себя въ правѣ и не былъ дѣйствительно въ силахъ рѣшать эти вопросы, безъ согласія, моральной и матеріальной поддержки всѣхъ другихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, которые на ряду съ нимъ пользовались въ своихъ владѣніяхъ государственною властью и до извѣстной степени могли также считаться хозяевами государства и распорядителями его судебъ. Таковы были прежде всего всѣ крупные землевладѣльцы шляхетскаго званія, князья и паны, входившіе въ составъ господарской рады, занимавшіе уряды земскіе и дворные или бывшіе кандидатами въ господарскую раду и на эти уряды, а затѣмъ и всѣ остальные землевладѣльцы шляхетскаго званія, выходившіе на войну подъ повѣтовыми хоругвями. Всѣ эти землевладѣльцы и привлекались на великіе вальные соймы, какъ это было и въ предшествующее великокняженіе, при чемъ «повѣтники» обыкновенно представлялись своими хоружими и послами, которыхъ они выбирали. Такимъ образомъ, сеймъ при Сигизмундѣ-Августѣ до 1566 г. составляли тѣ же самые «станы», что и въ предшествующее великокняженіе. Нѣкоторые сеймы (напр., 1552 г.) созывались не въ полномъ составѣ: не было шляхетскихъ пословъ изъ повѣтовъ, или же шляхта присутствовала viritim, поголовно, хотя не въ полномъ составѣ (лагерный сеймъ подъ Минскомъ, 1564 г.). Кругъ совѣщаній, происходившихъ на великихъ вальныхъ сеймахъ въ великокняженіе Сигизмунда-Августа, обыкновенно далеко выходилъ за предѣлы тѣхъ спеціальныхъ вопросовъ, для которыхъ созывались эти сеймы. Правительство пользовалось собраніемъ всѣхъ авторитетныхъ и вліятельныхъ людей страны для того, чтобы обсудить сообща и порѣшить разные другіе вопросы, выдвинутые жизнью, кромѣ того, для котораго спеціально созванъ былъ данный сеймъ. Но главнымъ образомъ новые вопросы возбуждались самими станами сейма. Станы уже въ предшествующее великокняженіе, какъ мы видѣли, перестали играть пассивную роль на сеймахъ, перестали ограничиваться обсужденіемъ тѣхъ вопросовъ, которые имъ предлагало правительство, и выступали съ своими предложеніями и петиціями къ правительству. При Сигизмундѣ-Августѣ станы почти каждымъ сеймомъ пользовались для того, чтобы поговорить о

своихъ нуждахъ и потребностяхъ, констатировать различные непорядки и злоупотребленія въ государствѣ, поддержать другъ друга въ своихъ заявленіяхъ и жалобахъ, обращенныхъ правительству, и общими усиліями добиваться отъ него различныхъ улучшеній и реформъ въ своихъ интересахъ, расширенія своихъ правъ и вольностей. Великій вальный соймъ былъ, такимъ образомъ, концентрировавшимъ въ себѣ сословно-политическое движеніе шляхетскаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ распространившимъ это движеніе отъ центра къ окраинамъ. Это былъ политическій институтъ, обусловившій собою естественный ростъ сословно-политическихъ стремленій шляхетскаго сословія и отчасти самое осуществленіе этихъ стремленій» (стр. 713—717). «Разсматривая составъ вальнаго сейма, какъ онъ установился по второму Статуту, открываемъ въ немъ нѣкоторую разницу по сравненію съ прежнимъ: на новомъ сеймѣ видимъ гораздо меньше шляхетскихъ выборныхъ, чѣмъ на прежнемъ, ибо уменьшилось число самыхъ повѣтовъ, или хоружествъ. Но при всемъ томъ было бы ошибкою думать, что новый порядокъ носилъ въ себѣ тенденцію къ уменьшенію политическаго значенія шляхты — рыцарства; наоборотъ, новый порядокъ сеймованія несомнѣнно имѣлъ въ виду поднять это значеніе. Этотъ новый порядокъ давалъ возможность шляхтѣ принимать поголовное участіе въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, для которыхъ созывался сеймъ, на мѣстныхъ сеймикахъ. Этой возможности шляхта не имѣла прежде. Разсылавшіеся прежде «соймовые листы» обыкновенно содержали приказъ всѣмъ станамъ, «сойму належачимъ», прибыть на сеймъ въ назначенное мѣсто и время, безъ точнаго указанія вопросовъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію на сеймѣ. При такихъ условіяхъ и рыцарство — шляхта, посылавшая своихъ пословъ на вальный соймъ, не имѣла возможности вліять на рѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ правительствомъ, и должна была довольствоваться тѣмъ, что удавалось сдѣлать по этой части ея посламъ въ собраніи, гдѣ преобладали аристократическіе элементы — паны — рада, урядники земскіе и дворные, княжата и панята, собранные на соймъ viritim. Новый порядокъ сеймованія, поэтому, не уменьшалъ политическаго значенія шляхты, а наоборотъ — увеличивалъ его, перенося предварительныя совѣщанія по главнымъ вопросамъ съ вальнаго сейма на сеймики» (стр. 732—733). Наконецъ, въ данное время расширяется компетенція вальнаго сейма на счетъ господарской рады. По Статуту 1566 г. «господарь обязался не установлять ничего новаго, для блага государства, никакихъ уставъ, иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, съ вѣдома и совѣта пановъ — рады и съ дозволенія всѣхъ земель великаго княжества. Такимъ образомъ, ограниченіе великокняжеской власти, установленное земскимъ привилеемъ и Статутомъ Сигизмунда Стараго въ пользу господарской рады, Статутомъ Сигизмунда-

Августа было перенесено въ пользу великаго вальнаго сойма. Надо замѣтить, впрочемъ, что Статутъ 1566 г. въ данномъ случаѣ только санкціонировалъ и обобщалъ то, что уже многократно примѣнялось на практикѣ. Въ виду того значенія, которое получалъ сеймъ въ политической жизни великаго княжества, новый Статутъ постановилъ, что господарь обязанъ созывать великій вальный соймъ всякій разъ, когда потребуется, по совѣту пановъ — рады или по просьбѣ шляхты — рыцарства (стр. 733).

Въ главѣ седьмой рѣчь идетъ, какъ гласитъ заглавіе, о «литовско-русскомъ сеймѣ въ окончательной стадіи его развитія». Въ дѣйствительности собственно сейму посвящено всего 26 страницъ (738—739, 756—757, 796, 802—805, 807, 814—816, 820—823, 826, 829, 830, 840, 841, 847—850); на остальныхъ 90 страницахъ авторъ подробно разбираетъ, какъ и въ предыдущихъ главахъ, данныя объ обстоятельствахъ, вызывавшихъ созывъ сеймовъ, и о состоявшихся на нихъ постановленіяхъ. Общіе выводы о литовско-русскомъ сеймѣ «въ окончательной стадіи его развитій» г. Любавскій излагаетъ на послѣднихъ четырехъ страницахъ своего обширнаго изслѣдованія. «Присматриваясь къ составу и дѣяніямъ сеймовъ, собиравшихся въ великомъ княжествѣ послѣ изданія втораго Статута, видимъ, что законоположенія этого Статута въ отношеніи сейма дѣйствительно вошли въ жизнь. Составъ сеймовъ, собиравшихся послѣ Виленскаго сейма 1565—1566 гг., дѣйствительно былъ тотъ самый, который предначертанъ былъ во второмъ Статутѣ. Передъ вальными сеймами дѣйствительно собирались сеймики по новымъ судовымъ повѣтамъ, на которыхъ предварительно обсуждались предложенія правительства, сообщавшіяся письменно и устно черезъ особыхъ господарскихъ «посланцевъ», избирались послы и составлялись для нихъ инструкціи. Въ этомъ отношеніи въ великомъ княжествѣ водворился тотъ же порядокъ, что былъ и въ Польшѣ. Затѣмъ: на вальномъ сеймѣ великаго княжества станы также, какъ и на польскомъ сеймѣ, разбились на два совѣщающихся «кола», «коло» пановъ-рады и «коло» рыцарское, въ соотвѣтствіе сенаторской и посольской избамъ польскаго сейма, и между ними установился тотъ же порядокъ сношеній и общихъ засѣданій, какъ и на польскомъ сеймѣ. Литовско-русскій сеймъ de jure сталъ обсуждать и рѣшать тѣже государственные вопросы, что и польскій сеймъ, и его постановленія пріобрѣли столь же обязательную силу, какъ и постановленія польскаго сейма. Литовско-русскій сеймъ, такимъ образомъ, ассимилировался въ значительной степени съ польскимъ какъ въ своей организаціи, такъ и въ политическихъ функціяхъ и ихъ отправленіи. При такихъ условіяхъ уже не было значительныхъ препятствій къ сліянію его съ польскимъ», что и было осуществено Люблинской уніей. По словамъ г. Любавскаго, въ соединенномъ сеймѣ Рѣчи Посполитой

шляхта получила больше вѣса и значенія, чѣмъ прежде; партія же магнатовъ на этомъ сеймѣ сильно сократилась: «въ сенатъ соединенной Рѣчи Посполитой не попали всѣ такъ называемые столовые урядники, а изъ рыцарскаго «кола» вышли княжата, панята, урядники земскіе и дворные, не облеченные посольскими полномочіями» (стр. 847—848). Въ заключеніе г. Любавскій характеризуетъ положеніе литовскаго княжества въ созданной уніей Рѣчи Посполитой въ слѣдующемъ общемъ положеніи. «Государственная жизнь Рѣчи Посполитой приняла нездоровое направленіе, гибельно отразившееся на ея дальнѣйшей судьбѣ. Та государственная форма, въ которую облекла унія великое княжество, въ сущности не вполнѣ соотвѣтствовала складу и распредѣленію общественныхъ силъ этого государства. Страна, столь преизобиловавшая аристократическими элементами, забита была въ рамки чисто шляхетской демократіи. Естественно, что эти рамки не выдерживали, часто ломались, но вмѣстѣ съ тѣмъ нарушался и правильный, нормальный ходъ государственной жизни Рѣчи Посполитой. Въ этомъ отношеніи та конституція, которую вводилъ въ великомъ княжествѣ второй Статутъ, болѣе соотвѣтствовала его общественному складу и потому болѣе обезпечивала ему здоровую политическую жизнь, чѣмъ польская конституція. Унія разстроила и нормальное теченіе польской государственной жизни. Если литовско-русская шляхта усилилась отъ союза съ польскою, то съ другой стороны и польское можновладство подкрѣпилось отъ союза съ литовскою сильною аристократіею. Перевѣсъ политическихъ силъ пересталъ быть столь рѣшительнымъ, какъ прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ не установилось и равновѣсія ихъ, ибо конституція осталась прежнею и даже еще болѣе подчеркнула свои характерныя особенности, возникшія въ эпоху преобладанія шляхетскаго «гминовладства». Въ концѣ концовъ и создалось то своеобразное государство, которое нельзя назвать ни аристократическою, ни демократическою шляхетскою республикою, и которое представляло *неорганизованное* и потому нездоровое соединеніе шляхетской демократіи съ сильнымъ можновладствомъ. Какъ бы то ни было, историческія обстоятельства привели Польшу и Литву къ уніи. И то, и другое государство мало были приспособлены къ борьбѣ за существованіе и потому почувствовали нужду опереться другъ на друга для этой борьбы. Но изъ сложенія ихъ силъ получилась все-таки только сумма, а не произведеніе, достаточное для укрѣпленія новаго государственнаго тѣла: для этого произведенія въ уніи не было множителя, и оба государства поэтому какъ порознь, такъ и вмѣстѣ, остались немощными. Тотъ самый феодализмъ, который насквозь проникалъ общественный и политическій строй Польши и Литвы и разслаблялъ ихъ государственные организмы, остался не тронутымъ и въ уніи, а наоборотъ былъ подтвержденъ и закрѣпленъ. Феодальный характеръ отпечатлѣлся и

на литовско-русскомъ сеймѣ, какъ представительномъ учрежденіи. Какіе общественные классы получили на этомъ сеймѣ мѣсто? Только, тѣ, которые пользовались суверенными правами на своихъ территоріяхъ подъ высшимъ сюзереномъ-великимъ княземъ. Литовско-русскій сеймъ былъ въ существѣ дѣла конгрессомъ многочисленныхъ литовско-русскихъ *господарей* и ихъ уполномоченныхъ, съ господаремъ, великимъ княземъ во главѣ. На немъ не было въ качествѣ полноправныхъ членовъ ни представителей мѣстъ, которые не сдѣлались еще феодальными государствами, равноправными съ многочисленными шляхетскими монархіями, ни представителей крестьянъ, которые были господарскими или владѣльческими «подданными», ни представителей большинства духовенства, которое получало свои духовные хлѣбы отъ этихъ многочисленныхъ господарей и считалось ихъ духовными «урядниками», ни даже представителей шляхты владѣльческихъ и господарскихъ «спадковыхъ» имѣній, бывшей на положеніи вассаловъ второго разряда. Только тѣ рыцари-шляхтичи, которые были вассалами такого же ранга, какъ князья и паны, по нѣмецкимъ понятіямъ — reichsunmittelbare, и получили мѣсто на литовско-русскомъ сеймѣ.

Таковы главнѣйшіе выводы г. Любавскаго по вопросу о литовско-русскихъ сеймахъ до Люблинской уніи. Выводы эти вызвали рядъ болѣе или менѣе существенныхъ возраженій въ появившихся вскорѣ послѣ изданія книги г. Любавскаго рецензіяхъ гг. М. В. Довнаръ-Запольскаго («Спорные вопросы по исторіи литовско-русскаго сейма», помѣщенные въ октябрьской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1901 г., стр. 454—498) и Н. А. Максимейко (въ его диссертаціи: «Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи 1569 г.» стр. 51—71, 110—115, 145—147). Въ своемъ отзывѣ о трудѣ г. Любавскаго я воспользуюсь указаніями упомянутыхъ рецензентовъ и съ своей стороны изложу нѣсколько замѣчаній по вопросамъ, затронутымъ въ книгѣ г. Любавскаго.

Какъ видно изъ заглавія разбираемой книги, она представляетъ собой «опытъ по исторіи литовско-русскаго сейма въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнію государства». И дѣйствительно изученіе главнаго вопроса — исторіи литовско-русскаго сейма авторъ во всѣхъ частяхъ своей книги ставитъ въ параллель съ детальнымъ изученіемъ вопросовъ внѣшней политики и внутренняго строя государства. Но, по справедливому замѣчанію Н. А. Максимейко (стр. 110), «излагать исторію учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ государства, — это значитъ, главное вниманіе сосредоточить на первомъ вопросѣ, разработка же второй темы должна отступить на задній планъ и служить только фономъ для болѣе отчетливой обрисовки центральнаго сюжета. У г. Любавскаго отношеніе

степеней научной обработки обратное. Избранный предметъ изслѣдованія у него совершенно тонетъ въ подавляющей массѣ побочныхъ аксессуаровъ». Г. Максимейко указываетъ, ради примѣра, на то, что г. Любавскій удѣляетъ весьма малое количество страницъ своей книги спеціальному обсужденію вопроса о составѣ сеймовъ (всего 14 страницъ); изслѣдованію же о радѣ и шляхетствѣ, которое должно было служить лишь пояснительнымъ дополненіемъ къ вопросу о составѣ, онъ посвящаетъ 198 страницъ, при чемъ объемъ этихъ побочныхъ экскурсій, вѣроятно, удвоился бы, еслибы г. Любавскій остановился на вел.-княжеской власти и мѣстномъ управленіи, представители которыхъ наравнѣ съ радой и шляхтой входили въ составъ сеймовъ (ibid стр. 110). Скажемъ больше: при внимательномъ просмотрѣ содержанія разбираемой книги оказывается, что изученію спеціальнаго вопроса — исторіи литовско-русскаго сейма посвящено авторомъ изъ 850 страницъ его книги всего лишь 174 страницы; на остальныхъ 676 страницахъ авторъ трактуетъ о разныхъ побочныхъ вопросахъ, касающихся внѣшней политики и внутренней жизни государства [1]). Такъ, напримѣръ, въ видахъ опредѣленія компетенціи сеймовъ, авторъ посвящаетъ 290 страницъ подробному разсмотрѣнію различныхъ вопросовъ, обсуждавшихся на сеймахъ въ особенности при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ [2]). По вѣрному замѣчанію Н. А. Максимейко, «вопросъ о компетенціи сеймовъ г. Любавскій рѣшаетъ упрощеннымъ пріемомъ: онъ весьма обстоятельно и подробно разсказываетъ, чѣмъ занимался каждый отдѣльный сеймъ, излагаетъ содержаніе законовъ и т. д. Все это, конечно, важно для знакомства съ правомъ финансовымъ, государственнымъ, уголовнымъ, процессуальнымъ и т. д., но представляется излишнимъ для характеристики сеймовой компетенціи. Едва ли опредѣленіе компетенціи сеймовъ много выигрываетъ отъ такихъ отступленій въ сторону» (Максимейко, Сеймы, стр. 145). Точно также, по мнѣнію Довнаръ-Запольскаго, «Любавскій не всегда отчетливо выдѣляетъ существенное отъ второстепеннаго. Мелочами и излишними детальными отступленіями разсѣевается

---

1) Въ подтвержденіе сказаннаго укажемъ по каждой главѣ книги г. Любавскаго количество страницъ, непосредственно относящихся къ исторіи литовско-русскаго сейма; *введеніе:* стр. 1—7. *Глава I:* стр. 9, 10, 28—31, 36, 44—46. *Глава II:* стр. 49—51, 56, 57, 61, 62, 65, 66, 69, 75, 76, 104, 105, 111, 113, 115, 117, 119—130, 132—137, 147—151, 165, 166, 168—170. *Глава III:* стр. 179—185, 188, 190—193, 196—198, 203, 206, 211, 215, 217, 218, 220, 223, 228, 229, 233—235, 237, 239, 246, 250, 253, 255, 257, 259, 265, 270, 273, 279, 282—284, 290—293, 296, 300—310. *Глава IV:* стр. 426, 427, 311—316. *Глава V:* стр. 493—496. *Глава VI:* стр. 551, 552, 698, 699, 706, 713—717, 731—734. *Глава VII:* стр. 738, 739, 756, 757, 796, 802—805, 807, 814—816, 820—823, 826, 629, 830, 840, 841, 847—850.

2) Стр. 178—194, 197, 200, 203—207, 211—242, 246—265, 268—287, 290—300, 517—543, 545—571, 576—609, 619, 620, 631—636, 639—644, 649—659, 690—713, 739—745, 747—755, 758—773, 783, 784, 790—814, 838—846.

вниманіе читателя. Книга много выиграла бы въ объемѣ и изложеніи отъ болѣе умѣреннаго обращенія съ побочнымъ матеріаломъ» (Спорные вопросы, стр. 497). Упрощенность научныхъ пріемовъ доходитъ у г. Любавскаго иногда до поразительныхъ размѣровъ. Говоря, напримѣръ, о сеймовыхъ предложеніяхъ господарей или о различныхъ ходатайствахъ отдѣльныхъ областей и о состоявшихся по нимъ сеймовыхъ постановленіяхъ, г. Любавскій вездѣ строго держится того порядка изложенія, въ какомъ данные вопросы слѣдуютъ одинъ за другимъ въ самыхъ источникахъ (Литовской Метрикѣ и пр.), безъ малѣйшей попытки свести изучаемые вопросы въ опредѣленную систему научныхъ категорій (напримѣръ, институтовъ права государственнаго, финансоваго, гражданскаго и т. д.). Въ результатѣ получается собственно не ученое изслѣдованіе, а простой сборникъ матеріаловъ, состоящій изъ компилятивнаго пересказа по источникамъ состоявшихся на каждомъ сеймѣ въ отдѣльности господарскихъ предложеній, разныхъ петицій и сеймовыхъ «ухвалъ».

Вводя въ свою книгу массу побочныхъ вопросовъ, иногда не имѣющихъ никакого отношенія къ сеймамъ, г. Любавскій въ то же время оставляетъ безъ всякаго изслѣдованія цѣлый рядъ вопросовъ, непосредственно относящихся къ исторіи литовско-русскихъ сеймовъ. Въ своей книгѣ авторъ ограничивается изслѣдованіемъ только вопросовъ о литовско-русскихъ сеймахъ — ихъ происхожденіи, составѣ и компетенціи и оставляетъ безъ вниманія цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе важное значеніе въ исторіи сеймовъ.

Къ такимъ дефектамъ относится отсутствіе сколько-нибудь точнаго опредѣленія различныхъ *типовъ* сеймовъ, иногда обозначавшихся и различными наименованіями. Въ началѣ своей книги, г. Любавскій говоритъ, между прочимъ, о наименованіи сеймовъ. По его словамъ, «литовско-русскій сеймъ въ послѣдней стадіи своего развитія былъ, можно сказать, историческимъ сооруженіемъ изъ послѣдовательныхъ напластованій предшествующихъ стадій. Это справедливо какъ относительно его наименованія, такъ и относительно состава и значенія въ государственной жизни великаго княжества. Литовско-русскій сеймъ прежде, чѣмъ сталъ называться «великимъ вальнымъ соймомъ», назывался просто «соймомъ» или «вальнымъ соймомъ». Прибавленіе въ названіи обусловилось прибавленіемъ въ самомъ его составѣ. «Великимъ» это учрежденіе стало называться тогда, когда къ его первоначальному составу — къ князьямъ, панамъ и боярамъ великаго княжества въ древнѣйшемъ и тѣсномъ смыслѣ слова, присоединились князья, паны и бояре изъ всѣхъ остальныхъ земель, когда сеймъ сталъ, такимъ образомъ, «посполитою радою» великаго княжества въ позднѣйшемъ и обширномъ смыслѣ» (стр. 9—10). Изложенное опредѣленіе наименованій

сеймовъ не совсѣмъ отвѣчаетъ дѣйствительности. Въ источникахъ, и притомъ гораздо раньше послѣдней стадіи развитія литовско-русскаго сейма, наименованіе «великій» примѣняется иногда не только къ «посполитой радѣ» великаго княжества, но и къ радѣ болѣе тѣсной, именно къ сеймамъ господарской рады. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ 1508 г. судное дѣло по обвиненію боярина Бутовича въ убійствѣ вдовы п. Петрошевича разбиралось на «великомъ» соймѣ пановъ-радъ[1]). Въ актахъ достатутоваго времени встрѣчаемъ, кромѣ «соймовъ» или «сеймовъ», также другія наименованія, очевидно, неизвѣстныя г. Любавскому. Такъ, привилей вел. князя Александра Свидригайловича 1458 г. на имѣніе князю Василевичу данъ, «naradziwszy się z naszemi xiążęty i pany i z wiernym naszym *zgromadzeniem*»[2]). Волынскіе областные сеймы называются въ актахъ XV и XVI в. *зборами*[3]). Въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г. упоминаются «вальные соймы»[4]) и «соймы» (съемы) или «*зъехане*» пановъ радъ[5]). Статуты 1566 г. и 1588 г. говорятъ о «великомъ вальномъ соймѣ» и «повѣтовыхъ сеймикахъ»[6]). Подъ указанныя наименованія подводятся въ источникахъ различные типы литовско-русскихъ сеймовъ общихъ и мѣстныхъ. Кромѣ спеціально изучаемыхъ г. Любавскимъ старыхъ сеймовъ собственно Литвы и смѣнившихъ ихъ великихъ вальныхъ соймовъ съ повѣтовыми сеймиками, сюда относятся: съѣзды или сеймы князей великихъ и удѣльныхъ, сеймы мѣстные отдѣльныхъ западно-русскихъ областей, сеймы пановъ-рады, сеймы воепно-полевые (или лагерные), сеймы «спольные» (польско-литовскіе), сеймы судовые, сеймы или съѣзды мѣстныхъ землевладѣльцевъ по разнымъ административнымъ дѣламъ, наконецъ «конфедераціи» рядовой шляхты, отдѣльно отъ князей и пановъ-магнатовъ. Въ книгѣ г. Любавскаго вовсе не упоминаются старые съѣзды или сеймы великихъ и удѣльныхъ князей[7]). Между тѣмъ,

1) Въ судномъ актѣ упоминаются въ качествѣ членовъ великаго сойма рады 14 лицъ бискупы Виленскій и Жмудьскій, воевода Виленскій, воев. Троцкій, панъ Троцкій (каштелянъ), воев. Полоцкій, староста Городенскій, воев. Кіевскій, воев. Новгородскій, 5 намѣстниковъ — Бѣльскій, Ковенскій, Волковыскій, Лидскій и Ясвоинскій «и иные вси панове рада» (Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 2, л. 36). Тожс названіе примѣняется къ сеймамъ пановъ — рады и въ другихъ современныхъ актахъ. См. напр. Лит. Метр. Записей № 7, л. 463 и пр.

2) Антоновича Грамоты вел. княжества, № 8.

3) Arch. Sanguisz. III, № 319. Jabłonowski, Źródła, VI, стр. LXI и слѣд. Волынскіе зборы напоминаютъ «соборы» московскіе.

4) I, 25; VI, I; VIII, 3. Вальный сеймъ иногда называется въ Статутѣ и просто «соймомъ» (VI, 2).

5) VI, 1 (съемъ), 5 (зъехане), 6, 7.

6) Ст. 1566, II, 1, 2; III, 5, 6, 12; IX, 2. Ст. 1588, II, 1, 2, 6; III, 6—9, 15 и пр.

7) О нихъ см. Максимейко. Сеймы лит.-рус. государства, стр. 55, 56, 68, 69. О докончаньяхъ, заключавшихся на съѣздахъ литовскихъ господарей съ удѣльными князьями западно-русскихъ земель, см. А. З. Р. I, № 41, 49, 63, 80 и пр. Муханова Сборники, № 4, 9; Skarb. 376, 451, 498, 517, 542, 570 и пр. Ср. мои «Источники рус.-литов. права» (Варш. Унив. Изв. 1894, I, стр. 22); Довнаръ-Запольскаго «Государств. хозяйство», стр. 40—42.

мы увидимъ ниже, что съѣзды эти стоятъ въ тѣсной генетической связи съ позже возникшими великими вальными сеймами: въ удѣльную пору общегосударственныя дѣла, касавшіяся всего государства, вѣдались именно на княжескихъ съѣздахъ, которые, такимъ образомъ, въ отношеніи къ сеймовой компетенціи, являлись предшественниками позднѣйшихъ вальныхъ сеймовъ. Объ областныхъ сеймахъ западно-русскихъ земель говорится вскользь въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги г. Любавскаго[1]), но безъ всякихъ указаній на ихъ происхожденіе и на преемственную связь сеймовыхъ распорядковъ (состава, компетенціи и пр.), выработавшихся на областныхъ сеймахъ и унаслѣдованныхъ затѣмъ общегосударственнымъ сеймомъ. По справедливому замѣчанію г. Максимейко, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ (въ I главѣ) вопроса о происхожденіи сейма литовскаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, «послѣдовательность требовала бы изслѣдовать вопросъ и о томъ, какъ образовались сеймы въ отдѣльныхъ западно-русскихъ земляхъ: вѣдь литовско-русскій сеймъ сложился и выросъ изъ сейма собственной Литвы съ прибавленіемъ тѣхъ чиновъ, которые участвовали въ сеймовой жизни отдѣльныхъ русскихъ областей. Этой второй задачи г. Любавскій не рѣшаетъ, а между тѣмъ она естественно напрашивалась и вытекала изъ принятой имъ точки зрѣнія»[2]). Замѣтимъ при этомъ, что г. Любавскій мимоходомъ говоритъ въ своей книгѣ о старыхъ областныхъ сеймахъ или «вѣчахъ» земель Полоцкой и Смоленской[3]). Указаніе это, само собою, наводитъ на мысль о томъ, что областные сеймы, если не Литвы, то западной Руси, стоятъ въ общей генетической связи съ вѣчевымъ строемъ древнерусскихъ земель. Максимейко поэтому не безъ основанія полагаетъ, что мѣстные сеймы Литвы-Руси XIV и XV в. — «тѣ же древне-русскія вѣчевыя собранія, но принявшія сословную окраску, примѣнительно къ новымъ условіямъ государственной жизни»[4]). Въ виду сказаннаго намъ кажется, что, говоря въ I главѣ своей книги о происхожденіи литовско-русскихъ сеймовъ въ начальной стадіи ихъ развитія, г. Любавскій долженъ былъ принять за исходную точку упомянутую связь сеймовъ съ старыми вѣчами, чего онъ не сдѣлалъ. О сеймахъ паповъ рады говорится также въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги Любавскаго[5]) но опять таки безъ обстоятельнаго

---

1) Именно: во II гл. о національно-политической борьбѣ въ литовско-русскомъ государствѣ въ XV в. (стр. 152—163, 168), въ V и VI гл. — о шляхтѣ (стр. 499, 555, 560 и 607).

2) См. Максимейко, Сеймы, стр. 52.

3) См. стр. 105 и 160.

4) См. Максимейко, Сеймы, стр. 67—68. О старыхъ вѣчахъ въ Литвѣ и западно-русскихъ земляхъ см. также мою монографію — «Сословный типъ территоріально-административнаго состава литов. государства» (Варш. Унив. Изв. 1895, VI) и диссертацію Довнаръ-Запольскаго «Госуд. хозяйство», стр. 35—36.

5) См. стр. 129, 182, 184, 194, 196, 382.

изслѣдованія ихъ возникновенія, организаціи и отношенія къ вальнымъ сеймамъ; отсюда, какъ справедливо указываетъ Довнаръ-Запольскій, нерѣдко встрѣчающееся въ книгѣ Любавскаго смѣшеніе сеймовъ рады съ общими сеймами, дѣятельности которыхъ авторъ приписываетъ многое въ такихъ случаяхъ, когда дѣйствовала одна только рада[1]) Такой же отрывочностью и неточностью отличаются сообщенія г. Любавскаго о другихъ типахъ литовско-русскихъ сеймовъ, именно о сеймахъ военно-полевыхъ (или лагерныхъ)[2]), такъ называемыхъ «спольныхъ» сеймахъ (польско-литовскихъ)[7]) и сеймахъ судовыхъ[3]) — Г. Любавскій, далѣе, ничего не говоритъ объ особомъ типѣ сеймовъ, или съѣздовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ по разнымъ административнымъ дѣламъ. О подобномъ съѣздѣ говоритъ, напр., донесеніе старосты Луцкаго Ив. Ходкевича королю Казимиру въ 1474 г. о томъ, что на «съемѣ», созванномъ по требованію короля для объявленія королевскаго запрещенія въѣзжать въ смѣжную съ землями созванныхъ владѣльцевъ королевскую Свинюскую дуброву, князь Михаилъ Сангушковичъ и другіе земяне приняли къ исполненію упомянутое запрещеніе. На «съемѣ» были созваны 13 лицъ — князь Сангушковичъ, Луцкій владыка Зиновій, намѣстникъ Кременецкій князь Семенъ Васильевичъ и другіе мѣстные земяне, земли которыхъ прилегали къ королевской дубровѣ[4]). Точно также въ 1545 г., при описаніи Волынскихъ замковъ, мѣстные землевладѣльцы созывались ревизоромъ на «соймы» для представленія документовъ на ихъ имѣнія и пр.[5]). Къ такимъ же, повидимому, случайнымъ сеймамъ относятся «конфедераціи» рядовой шляхты, собиравшейся по своимъ дѣламъ отдѣльно отъ князей и пановъ-магнатовъ. Объ одной изъ такихъ конфедерацій 60-хъ годовъ XVI в. говоритъ г. Любавскій на 636 страницѣ своей книги, но безъ всякихъ указаній на исторію и значеніе такихъ конфедерацій въ государственной жизни Литвы-Руси[6]).

Г. Любавскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги излагаетъ отрывочныя замѣчанія о воздѣйствіи поляковъ на образованіе литовско-русскаго сейма и вообще на государственный строй Литвы (стр. 35), о подражаніи литовцевъ полякамъ въ дѣлѣ устроенія своего сейма (стр. 45), наконецъ о сходствѣ (сначала лишь внѣшнемъ, а затѣмъ и внутреннемъ) литовско-русскаго сейма съ польскимъ (стр. 46, 311—312). Съ точки зрѣнія автора

1) См. Довнаръ-Запольскаго, Спорные вопросы, стр. 490—496.
2) См. стр. 218, 223, 224, 238, 271—288 и пр.
3) См. стр. 31, 33, 35, 53—56, 116, 118, 120, 659—676, 838—847.
4) См. стр. 183, 255, 259 и пр.
5) См. Литовскую Метрику Записей № 25, л. 265.
6) Памятники Кіевской Коммиссіи IV, отд. 2, стр. 62—63.
7) Такія же конфедераціи имѣли мѣсто въ быту Галиційскихъ земянъ, какъ это видно, напр., изъ одного акта 1464 г. (см. Akta grodzkie i ziemskie z Arch. Bernard. VII, № 55 и 56).

послѣдовательность требовала бы сколько-нибудь обстоятельнаго изслѣдованія организаціи и значенія польскаго сейма на разныхъ стадіяхъ его развитія, чего, однако, авторъ не сдѣлалъ и такимъ образомъ допустилъ значительный пробѣлъ въ своемъ обширномъ изслѣдованіи. Кромѣ того, г. Любавскій, на 46 стр., дѣлаетъ замѣтку о томъ, что «первоначальный литовско-русскій сеймъ является аналогіею къ тѣмъ собраніямъ епископовъ и бароновъ, изъ которыхъ развились западно-европейскія представительныя учрежденія» (стр. 46). И здѣсь, ради большей доказательности высказаннаго положенія, слѣдовало бы хотя въ общихъ чертахъ указать болѣе точно аналогическія явленія въ исторіи западно-европейскихъ учрежденій, чего авторъ не сдѣлалъ [1]).

Дефектнымъ представленъ въ книгѣ г. Любавскаго также основной составъ литовско-русскихъ сеймовъ, въ которыхъ участвовали не только паны радные и шляхетство, но и господарь-великій князь. Въ IV и V главахъ авторъ говоритъ о первыхъ двухъ сеймовыхъ «станахъ», обстоятельно излагаетъ исторію рады и шляхетства, какъ главныхъ дѣятелей на литовско-русскихъ сеймахъ, но оставляетъ безъ всякаго изслѣдованія основной вопросъ о власти господаря, въ ея историческомъ развитіи и соотношеніи къ другимъ сеймовымъ дѣятелямъ. Въ виду этого рецензенты книги г. Любавскаго съ полнымъ основаніемъ ставятъ въ вину автору то, что имъ опущенъ серьезный вопросъ, касающійся одного изъ сеймовыхъ «становъ», и потому «соотношеніе состава сеймовъ къ внутреннему строю государства у него представлено не въ законченной полнотѣ» [2]).

Въ заключеніе укажу еще на одинъ изъ существенныхъ дефектовъ, какими изобилуетъ книга г. Любавскаго. Какъ сказано выше, при обзорѣ ея содержанія, авторъ поставилъ главной своей задачей изученіе собственно

---

1) Г. Максимейко, въ предисловіи къ своей диссертаціи: «Сеймы литовско-русскаго государства», категорически высказывается противъ цѣлесообразности и полезности примѣненія сравнительнаго метода при изученіи исторіи литовско-русскихъ сеймовъ параллельно съ аналогическими учрежденіями другихъ средневѣковыхъ государствъ, главнымъ образомъ потому, что авторъ «сомнѣвался въ томъ, что сдѣланныя до сихъ поръ обобщенія всесторонне охватываютъ всѣ явленія одного и того же порядка и не нуждаются въ дальнѣйшемъ исправленіи и дополненіи», — авторъ «не былъ увѣренъ въ правильности существующихъ литературныхъ мнѣній, а сравнивать на основаніи первоисточниковъ было не мыслимо и свыше силъ». Намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, странной боязнь г. Максимейко «втиснуть» свою работу «въ проскурово ложе» сложившейся въ историко-политической литературѣ системы научныхъ идей и понятій, въ правильности которыхъ авторъ сомнѣвается. Въ дѣлѣ сравнительнаго изученія историческихъ явленій всегда и вездѣ возможны всяческія сомнѣнія въ правильности научныхъ воззрѣній тѣхъ или другихъ историковъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы изъ-за такихъ сомнѣній можно было вовсе отказываться отъ пользованія сравнительнымъ методомъ. Иное дѣло, конечно, если рѣчь идетъ о сравненіи по первоисточникамъ, пользованіе которыми для автора «немыслимо и свыше силъ».

4) См. Довнаръ-Запольскаго «Спорные вопросы», стр. 455, и Максимейко «Сеймы», стр. 110.

трехъ основныхъ вопросовъ по исторіи литовско-русскихъ сеймовъ — о ихъ происхожденіи, составѣ и компетенціи, въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшней жизнію государства. Что касается сложнаго ряда вопросовъ относительно развитія самой техники «сеймованія», то по всѣмъ такимъ вопросамъ въ книгѣ г. Любавскаго нѣтъ никакихъ сколько-нибудь обстоятельныхъ указаній. Сюда относится слѣдующій рядъ вопросовъ о техникѣ «сеймованія», — вопросовъ, вовсе не выясненныхъ въ разбираемой книгѣ: о порядкѣ созыва сеймовъ въ присутствіи господаря и во время его отлучекъ изъ государства, о мѣстѣ сеймовыхъ собраній, продолжительности сеймовыхъ сессій, о порядкѣ обсужденія дѣлъ, голосованія и постановки сеймовыхъ рѣшеній (ухвалъ), о санкціи такихъ рѣшеній, записи ихъ въ актовыя книги (Литовскую Метрику и пр.) и наконецъ о способахъ обнародованія сеймовыхъ ухвалъ. Въ книгѣ г. Любавскаго находимъ отрывочныя указанія лишь по нѣкоторымъ изъ указанныхъ вопросовъ при разсказѣ объ отдѣльныхъ сеймахъ, безъ всякой попытки систематическаго изученія данныхъ вопросовъ въ ихъ историческомъ развитіи[2]). Такимъ образомъ, книга г. Любавскаго даетъ лишь весьма не полное представленіе о старыхъ литовско-русскихъ сеймахъ, какъ цѣльномъ правовомъ институтѣ. Для полнаго ознакомленія съ даннымъ институтомъ недостаточно изучить данныя касательно его происхожденія, состава и компетенціи, — для этого необходимо также документально опредѣлить, *какъ*, при помощи какихъ техническихъ пріемовъ, развивалась и функціонировала практическая дѣятельность учрежденія. Этимъ только путемъ изслѣдователь можетъ основательно ознакомиться не только съ анатоміей (составомъ и компетенціей), но и, такъ сказать, съ физіологіей изучаемаго института. Такого всесторонняго, систематическаго изученія избраннаго вопроса г. Любавскій не сдѣлалъ.

Нѣтъ надобности останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи выводовъ г. Любавскаго по основнымъ вопросамъ его изслѣдованія — о происхожденіи, составѣ и компетенціи сеймовъ. Вопросы эти и выводы по нимъ съ достаточной полнотой и обстоятельностію разсмотрѣны въ рецензіяхъ гг. Максимейко и Довнаръ-Запольскаго. Мы ограничимся лишь нѣсколькими поправками и дополненіями къ замѣчаніямъ рецензентовъ.

Какъ сказано выше, къ причинамъ, вызвавшимъ возникновеніе собственно литовскаго сейма по Любавскому, относятся: а) междоусобная

---

1) Опытъ систематическаго изученія развитія главныхъ вопросовъ касательно техники «сеймованія» принадлежитъ г. Максимейко (см. «Сеймы» стр. 147—164). Впрочемъ и въ диссертаціи Максимейко опущены нѣкоторые вопросы, въ особенности о способахъ обнародованія сеймовыхъ ухвалъ. (Объ этомъ см. мою монографію — Источники «литовско-русскаго права», помѣщен. въ Варшав. Унив. Изв. 1894 г., кн. I, стр. 12—15).

война князей и измѣна съ ихъ стороны національнымъ интересамъ Литвы; б) воздѣйствіе поляковъ на государственный строй Литвы и подражаніе литовцевъ полякамъ; в) неразвитость княжеской власти въ Литвѣ. Вслѣдствіе этихъ причинъ литовскій сеймъ, по мнѣнію Любавскаго, возникаетъ въ эпоху первой уніи Литвы съ Польшей, — сеймъ 1401 г. Любавскій считаетъ первымъ по времени литовскимъ сеймомъ. Возникновеніе великаго вальнаго сейма при Казимирѣ г. Любавскій ставитъ въ связь съ національно-политической борьбой въ литовско-русскомъ государствѣ въ XV в. Образованіе великаго вальнаго сейма, говоритъ Любавскій, знаменовало собою уничтоженіе исключительнаго политическаго господства собственно литовской земли надъ областями — аннексами великаго княжества, съ рядомъ сдѣланныхъ въ ихъ пользу уступокъ въ смыслѣ уравненія въ правахъ и вольностяхъ и участія въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Изложенная постановка вопроса о происхожденіи литовско-русскихъ сеймовъ вызвала существенныя возраженія со стороны рецензентовъ. По словамъ Довнаръ-Запольскаго, «такая постановка вопроса (о происхожденіи сеймовъ) не представляется намъ вполнѣ доказанной, такъ какъ въ ней обойдены нѣкоторыя важныя явленія и нѣкоторыя объясненія возбуждаютъ сомнѣніе»[1]). Г. Максимейко высказывается еще болѣе рѣшительно: по его мнѣнію, «всѣ положенія, высказанныя авторомъ (о происхожденіи сейма собственно литовскаго и великаго вальнаго сейма) съ нашей точки зрѣнія представляются ошибочными отъ начала до конца. Они основаны на незнаніи или игнорированіи однихъ фактовъ и на неправильномъ толкованіи другихъ фактовъ»[2]). Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ своей диссертаціи г. Максимейко смягчаетъ свой приговоръ. «Намъ кажется, что у г. Любавскаго есть намекъ на правильное рѣшеніе вопроса. Онъ говоритъ, хотя и вскользь, о слабости княжеской власти въ Литвѣ. Это обстоятельство достойно болѣе серьезнаго вниманія: оно стоитъ не только въ связи съ сеймомъ 1401 г. (г. Любавскій отмѣчаетъ его, какъ одно изъ второстепенныхъ условій, способствовавшихъ созыву сейма 1401 г.), но имѣетъ общее значеніе для всей древнѣйшей эпохи въ исторіи литовскаго княжества. Мало того: слабость княжеской власти составляла явленіе, свойственное не одной Литвѣ, но и всѣмъ западно-русскимъ княжествамъ, присоединеннымъ къ Литвѣ. Въ этомъ условіи и коренилось главное основаніе сеймовой жизни не только въ литовскомъ княжествѣ, но и въ западной Руси»[3]). Теорія происхожденія литовско-русскихъ сеймовъ, принятая г. Максимейко, сводится къ слѣдующему общему заключенію. «Причиной

1) См. Спорные вопросы, стр. 456.
1) См. Максимейко, «Сеймы», стр. 51—52.
2) См. Максимейко, «Сеймы», стр. 58.

образованія сеймовъ была необходимость борьбы за существованіе въ виду военныхъ опасностей, грозившихъ Литовской Руси главнымъ образомъ со стороны Москвы и Крымскихъ татаръ, та необходимость, которая должна была вызвать концентрацію государственныхъ служебныхъ силъ и сосредоточить ихъ дѣятельность на задачахъ обороны государства; факторъ внѣшней опасности, вызвавшій къ жизни литовско-русскіе сеймы, не переставалъ обнаруживать свое опредѣляющее вліяніе и въ послѣдующемъ ихъ существованіи; его повелительному воздѣйствію подчинялись почти всѣ стороны сеймовъ, т. е. ихъ составъ, компетенція, сроки созыва и т. п.; словомъ, все сводилось къ одному «общему знаменателю». Такимъ образомъ, по объясненію автора, потребности военной борьбы и защиты государства составляли «зиждительное основаніе» сеймовъ. Внѣшняя военная опасность со стороны Москвы и Крымскихъ татаръ въ концѣ 15 в.— вотъ спеціальная причина, вызвавшая образованіе литовско-русскаго сейма [1]).

Таковы воззрѣнія автора разбираемой книги и г. Максимейко по вопросу о происхожденіи литовско-русскаго сейма. Г. Довнаръ-Запольскій ограничился лишь критикой отдѣльныхъ положеній Любавскаго, на которыхъ обосновано его общее заключеніе о возникновеніи сеймовъ (напр. таково опредѣленіе даты зарожденія литовскаго сейма въ 1401 г., значеніе актовъ 1413, 1432 и др. годовъ и пр.), но не высказываетъ своего собственнаго воззрѣнія по данному вопросу. Можно вполнѣ согласиться съ тѣми возраженіями, какія изложены обоими рецензентами по поводу мнѣнія г. Любавскаго о происхожденіи сейма [2]); мы не будемъ здѣсь подробно разбирать это мнѣніе, достаточно оцѣненное упомянутыми рецензентами. Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы г. Максимейко вполнѣ исчерпывалъ данный вопросъ въ своемъ воззрѣніи на необходимость борьбы за существованіе (въ виду военныхъ опасностей со стороны Москвы и Крымскихъ татаръ), какъ на основную причину и «зиждительное основаніе» литовско-русскаго сейма, возникшаго въ концѣ XV в. Самъ авторъ говоритъ, что, «упрощая до такой степени рѣшеніе вопроса, мы предвидимъ еще одно возраженіе. Говорятъ о многопричинности соціальныхъ явленій. Можно ли въ такомъ случаѣ сводить образованіе литовско-русскаго сейма къ дѣйствію одного только фактора? Неужели не вліяли здѣсь еще и другія условія? Мы не отрицаемъ возможности содѣйствующаго вліянія и другихъ обстоятельствъ, но думаемъ что они стушевывались передъ главной причиной — военной опасностью. Первенствующее значеніе этого обстоятельства

1) См. «Сеймы», стр. II предисловія и стр. 40—51 первой главы.

2) См. Довнаръ-Запольскаго, «Спорные вопросы», стр. 456—459; Максимейко, «Сеймы», стр. 51—71.

состояло въ томъ, что литовско-русскій сеймъ не возникъ бы въ концѣ 15 в., если бы въ то время не произошло столкновенія между Литвой и Москвой съ указанными выше послѣдствіями; всѣ другія условія государственной жизни конца 15 в., взятыя даже въ общей совокупности, не въ состояніи были бы вызвать къ жизни это учрежденіе»[1]).

Дѣло въ томъ, что ни авторъ разбираемой книги, ни ея рецензенты, не обратили должнаго вниманія на самый процессъ образованія литовско-русскаго государства. Здѣсь собственно, какъ намъ кажется, кроется главная причина возникновенія общегосударственнаго сейма Литвы-Руси въ концѣ 15 в., и при томъ не столько подъ случайнымъ воздѣйствіемъ внѣшней военной опасности, сколько въ силу внутреннихъ условій политическаго быта Литвы-Руси. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что на такія условія, между прочимъ, намекаетъ вскользь г. Максимейко. Онъ утверждаетъ, что до образованія сейма западно-русскія земли были соединены съ Литвою личностью великаго князя, и что только отмѣна княжеской власти въ отдѣльныхъ земляхъ (въ Волынской и Кіевской земляхъ, напр., въ 1453 и 1471 г.) дала для великихъ князей литовскихъ возможность непосредственныхъ сношеній и соглашеній съ населеніемъ отдѣльныхъ областей, вмѣстѣ съ возможностію рѣшать общія дѣла государства (каковыми были прежде всего вопросы военной обороны) не на княжескихъ съѣздахъ, какъ было раньше, въ удѣльную пору, но на общегосударственныхъ сеймахъ. Съ возникновеніемъ послѣднихъ «появился новый органъ связи между отдѣльными областями, въ которомъ выразились не только единство власти, но и единство населенія»[2]). Мысль, лежащая въ основѣ изложеннаго положенія и идущая, замѣтимъ кстати, въ прямой разрѣзъ съ раньше высказаннымъ воззрѣніемъ г. Максимейко о необходимости борьбы за существованіе, какъ основной причинѣ возникновенія литовско-русскаго сейма въ концѣ XV в., не чужда также автору разбираемой книги, съ той только разницей, что «крушеніе» (по выраженію г. Любавскаго) областныхъ князей, или правильнѣе — окончательная отмѣна былой удѣльной розни и самобытности отдѣльныхъ литовско-русскихъ земель и возникновеніе между ними государственнаго единства, по мысли г. Любавскаго, имѣли мѣсто не въ концѣ XV в., какъ полагаетъ Максимейко, а столѣтіемъ раньше, еще въ пору первой уніи Литвы съ Польшей[3]). Гипотеза г. Любавскаго о «крушеніи» удѣльныхъ князей въ концѣ XIV в. имѣетъ совершенно произвольный характеръ, нисколько не оправдывается документальными данными. Къ

1) См. «Сеймы», стр. 51.

2) См. Максимейко, «Сеймы», стр. 43, 55—56, 68—70.

3) См. Любавскаго, «Литовско-русскій сеймъ», стр. 43—44; Максимейко, «Сеймы», стр. 53—56.

концу XIV в. удѣльная независимость утрачивается весьма немногими литовско-русскими областями. Въ собственной Литвѣ въ это время подчиняются великимъ князьямъ литовскимъ лишь мелкіе удѣлы — Керновскій, Кревскій, Лидскій, Утенскій и, кажется, Гедройскій; въ Черной Руси — удѣлы Городненскій и Слонимскій и наконецъ въ Бѣлой Руси — удѣлы Полоцкій, Витебскій и Оршанскій. Остальная масса удѣльныхъ владѣній держалась на старомъ положеніи до конца XV в., а нѣкоторые удѣлы даже до начала второй половины XVI в. Къ концу XV в. удѣльная система падаетъ лишь въ главныхъ центрахъ отдѣльныхъ областей государства, въ земляхъ — Кіевской (съ 1471 г.), Волынской (съ 1453 г.), Подольской (съ 1452 г.), Смоленской (съ 1442 г.) и Подляшской (съ 1445 г.); въ Сѣверщинѣ удѣльная система держалась до самаго присоединенія къ Москвѣ (въ началѣ XVI в.). Отмѣна удѣльной независимости меньшихъ княжескихъ владѣній, изъ какихъ слагались большія земли — области, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннее объединеніе всего состава государства подъ непосредственною властью литовскихъ господарей — великихъ князей, окончательно завершаются лишь въ началѣ шестого десятилѣтія XVI в.[1]). Литовскіе великіе князья подчиняли удѣльныя владѣнія своей непосредственной власти обыкновенно по праву выморочности, при прекращеніи рода удѣльныхъ князей, и лишь въ весьма немногихъ случаяхъ удаляли ихъ изъ удѣловъ при явномъ стремленіи къ отдѣленію отъ государства, когда отлагавшійся отъ литовскаго господаря удѣльный князь съ населеніемъ своей области «не всхоте покоры учинити и челомъ ударити». Вообще говоря, установленіе единодержавія въ Литовской Руси далеко не было закончено Казимиромъ, при которомъ, какъ обыкновенно полагаютъ, будто бы окончательно пала удѣльная система въ Литовской Руси. Какъ показываютъ факты, слѣды былаго удѣльнаго многодержавія удерживаются мѣстами еще въ началѣ третьей четверти XVI стол., т. е. почти предъ самой Люблинской уніей[2]). Какъ бы то ни было, но для нашего вопроса важенъ тотъ

1) См. мои «Очерки по исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи», стр. 31—36, 38, 39, 42—49, 51, 55 и пр.

2) См. мои «Очерки исторіи лит.-рус. права», стр. 31, 33—34. Въ XV в. объединительная тенденція, по видимому, сдѣлала уже значительные успѣхи; между тѣмъ, мы видимъ, что и въ это время, какъ и раньше, рядомъ съ удѣлами Гедиминовичей, создавались новые удѣлы для князей, отъѣзжавшихъ изъ Москвы (князей Боровскихъ, Можайскихъ и др.). Мысль о реставраціи стараго удѣльнаго режима далеко не была чужда даже знаменитому творцу Люблинской уніи. Предлагая въ 1567 г. возвратиться въ Литву князьямъ Мстиславскимъ, Бѣльскимъ и Воротынскимъ, отъѣхавшимъ раньше въ Москву, Сигизмундъ-Августъ обѣщалъ сдѣлать ихъ удѣльными князьями въ ихъ старыхъ «отчинныхъ земляхъ литовскихъ» или дать имъ новые удѣлы и волости (см. Wolff, Ród, стр. 29. A. 3 P. I, № 139. Skarbiec, № 2373—2375). Какъ извѣстно, королева Бона владѣла въ теченіе многихъ лѣтъ чуть ли не половиной западно-русскихъ областей (Кобринскимъ повѣтомъ, большею частію Литовскаго Полѣсья и пр.) на полныхъ правахъ удѣльной «господарини». Лишь въ 1556 г.,

несомнѣнный фактъ, что до конца великокняженія Казимира въ центрахъ почти всѣхъ главныхъ областей — аннексовъ литовско-русскаго государства сидѣли мѣстные князья въ значеніи удѣльныхъ «господарей», управлявшихъ своими областями совмѣстно съ «вѣрною» радою и мѣстными сеймами, независимо отъ великаго князя литовскаго, и бывшихъ въ такихъ же договорныхъ отношеніяхъ къ нему, какъ это практиковалось между князьями и въ восточно-русскихъ земляхъ въ пору удѣльно-вѣчеваго ихъ строя [1]). Въ эту-то пору литовско-русскія области въ политическомъ отношеніи сводились въ одно цѣлое лишь личностію общаго «господаря» — великаго князя литовскаго да необходимостью организаціи общими силами средствъ для военной борьбы и защиты государства; другихъ общегосударственныхъ потребностей и вопросовъ въ то время не существовало. Въ пору удѣльной самостоятельности литовско-русскихъ областей указанная общегосударственная потребность въ данныхъ случаяхъ могла удовлетворяться и дѣйствительно удовлетворялась, какъ замѣчено выше, лишь путемъ соглашенія литовскихъ господарей великихъ и удѣльныхъ на ихъ личныхъ съѣздахъ или сеймахъ: при былой удѣльной розни и автономіи областей были немыслимы подобныя соглашенія великихъ князей литовскихъ непосредственно съ самимъ населеніемъ удѣльныхъ областей. Возможность такихъ соглашеній явилась лишь съ тѣхъ поръ, какъ въ главныхъ центрахъ областей — аннексовъ наступила отмѣна старой удѣльной системы. Собственно съ великокняженія Александра, а главнымъ образомъ при Сигизмундѣ Старомъ и Сигизмундѣ Августѣ началась усиленная организаціонная дѣятельность по вопросамъ о земской охранѣ и защитѣ государства, а затѣмъ и по другимъ, вновь назрѣвавшимъ, общимъ вопросамъ и нуждамъ объединеннаго государства. Для разрѣшенія и удовлетворенія такихъ общегосударственныхъ нуждъ требовалась творческая дѣятельность правительственныхъ органовъ не той или другой области въ отдѣльности (какъ было раньше, въ удѣльную пору), а органовъ всей ихъ совокупности. Такимъ правительственно — «державнымъ» органомъ съ конца XV в. и является «великій вальный соймъ» литовско-русскаго государства. Конечно, не будь въ это время войны съ Москвой и Крымскими татарами, литовско-русскій сеймъ могъ и не возникнуть въ концѣ XV в. (именно съ 1492 г., когда онъ впервые сталъ функціонировать въ составѣ представителей не одной Литвы, но и «старшихъ» отъ лица другихъ областей — аннексовъ): внѣш-

---

съ выѣздомъ изъ Литвы этой послѣдней представительницы стараго удѣльно-областнаго режима, въ Литовской Руси установляется единодержавіе на всей территоріи литовско-русскаго государства (см. мои «Очерки исторіи лит.-рус. права», стр. 67—68).

1) Объ удѣльныхъ князьяхъ, ихъ родѣ и отношеніяхъ къ великимъ князьямъ литовскимъ см. весьма обстоятельныя замѣчанія въ диссертаціи Довнаръ-Запольскаго — «Госуд. хозяйство вел. княж. Литовскаго», стр. 37—51.

ния военная опасность, грозившая всему государству и вызывавшая для него усиленную необходимость въ борьбѣ за существованіе, лишь ускорила открытіе организаціонной дѣятельности литовско-русскаго сейма, но не была основной, принципіальной причиной его возникновенія. «Зиждительнымъ основаніемъ» сейма были не столько внѣшнія причины, сколько вновь назрѣвавшія, внутреннія условія политическаго быта объединеннаго государства. Условія эти рано или поздно должны были вызвать къ жизни рядъ новыхъ общегосударственныхъ потребностей, а съ ними и рядъ новыхъ правительственныхъ органовъ съ ставшимъ во главѣ ихъ «державнымъ» литовско-русскимъ сеймомъ. Это-то эволюціонное движеніе въ жизни литовско-русскаго государства представляетъ много аналогическихъ явленій съ такимъ же эволюціоннымъ движеніемъ въ политическомъ быту восточно-русскихъ областей. Здѣсь въ тоже самое время и подъ вліяніемъ тѣхъ же внутреннихъ условій объединенія автономныхъ областей въ цѣльное государство московское, зарождалась великая земская дума, или земскій соборъ московскаго государства, — «учрежденіе, напоминавшее литовско-русскій вальный сеймъ, но вышедшее въ концѣ концовъ съ неодинаковымъ составомъ и значеніемъ», что обусловливалось различіями въ внутренней соціально-политической исторіи московскаго и литовско-русскаго государства [1]).

Намъ остается еще сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній и поправокъ касательно выводовъ автора и его рецензентовъ по вопросу о составѣ и компетенціи литовско-русскихъ сеймовъ.

Г. Довнаръ-Запольскій совершенно основательно полагаетъ, что въ составъ одного изъ главныхъ «становъ» сейма — господарской рады г. Любавскій не правильно вводитъ дворцовые чины (столовые врядники господарей) [2]). Съ своей стороны укажу на то, что возраженіе г. Довнаръ-Запольскаго по данному вопросу вполнѣ подтверждается тѣми же актами, которые помѣщены въ приложеніяхъ къ книгѣ г. Любавскаго, именно, именнымъ спискомъ пановъ радъ, обязанныхъ платить серебщину по ухвалѣ Виленскаго сейма 1522 г., гдѣ о дворныхъ чинахъ нѣтъ ни слова, также поименными списками лицъ, приглашавшихся на сеймы 1551 и 1554 г.,

---

1) См. Любавскаго «Лит.-рус. сеймъ», стр. 7. Къ сожалѣнію, г. Любавскій не обозначаетъ въ своей книгѣ въ рельефныхъ чертахъ параллели и различія въ аналогическихъ учрежденіяхъ литовскомъ и московскомъ, что, по нашему мнѣнію, составляетъ такой же дефектъ, какъ и недостатокъ указаній на аналогическія черты въ устройствѣ литовско-русскаго и польскаго сейма.

2) См. Довнаръ-Запольскаго, «Спорные вопросы», стр. 464—470. Въ актахъ говорится о «конвокаціи» дворцавыхъ чиновъ въ засѣданія не пановъ-рады, а особой рады врядниковъ дворныхъ или столовыхъ, какъ это видно изъ ординаціи 1539 г. скарбовымъ чинамъ (см. ibid., стр. 465). О «конвокаціи» пановъ радныхъ см. Археографическій Сборникъ IV, 30.

гдѣ «паны рады» категорически отличаются отъ перечисленныхъ отдѣльно отъ нихъ «врядниковъ дворныхъ»[1]).

На 36 страницѣ своей книги г. Любавскій, между прочимъ, касается вопроса о роли рядоваго боярства (позже шляхты) на литовскихъ сеймахъ первоначальной стадіи ихъ развитія. По его словамъ, бояре «по всѣмъ признакамъ, играли на сеймѣ еще часто пассивную роль, приглашались или допускались на сеймъ для моральной поддержки сейму, для приданія вящшаго авторитета его постановленіямъ. Рядовое боярство, не имѣвшее еще постояннаго и правильнаго представительства на сеймѣ, вѣроятно, давало только свое молчаливое и громкое (per acclamationen) согласіе или одобреніе». Каковы именно «признаки» такой роли литовскаго боярства на сеймахъ, авторъ не приводитъ никакихъ указаній ни изъ хроникъ, ни изъ актовыхъ данныхъ, и потому вся изложенная цитата носитъ голословный, бездоказательный характеръ. Такой же голословностію отличается высказанное авторомъ на стр. 303—304 утвержденіе о томъ, что при Сигизмундѣ I привлекали къ участію въ занятіяхъ сейма также лицъ, пріѣзжавшихъ по своимъ личнымъ дѣламъ въ мѣста сеймовыхъ собраній. Съ другой стороны, говоря на стр. 731—732 объ организаціи сеймиковъ по Статуту 1566 г., г. Любавскій вовсе не касается вопроса о дѣйствительной роли мѣстной рядовой шляхты на этихъ сеймикахъ, хотя по этому вопросу сохранились весьма характерные «признаки», именно въ показаніяхъ современниковъ, очевидно, не обратившихъ на себя должнаго вниманія со стороны историка литовско-русскаго сейма. Такъ, на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. Подлѣскій воевода Буйна Костецкій далъ такое показаніе о чисто пассивной роли русско-литовской шляхты на мѣстныхъ сеймикахъ: «Co się tycze tych sejmików, aby im tam składać, tedy tam sejmiki jako żywo nie bywały, aż do Parczowskiego Sejmu. Wszakże jednak nie tym sposobem są jako tu u W Msciów (поляковъ); bo tam jeno p. wojewoda a starosta na sejmik przyjedzie a chorąży, i napiszą co chcą i poszlą do ziemianina w dóm, aby się na to podpisał, jesli się nie podpisze tedy penę kjową założą. A tak nie wiem, coby to za potrzeba była sejmików tych, boć tam szlachła nic nie radzi, jedno panowie so chcą to czynią». Тоже самое повторилъ посольскій маршалокъ (польскій) Чарнковскій: «Bo też tam nie takowe sejmiki jak u nas, ale jeno wojewoda, kaszelan, starosta przyjedzie na nie, a potém poszlą do szlachty, aby się podpisali a pieczęc przyłożyli, a jeśliby nie przyłożyli, tedy kjem zagrożą, otoż my nie rozymiemy, aby była potrzeba tych sejmików»[2]).

1) См. приложенія къ книгѣ Любавскаго, стр. 17, 52 и 86, №№ 7, 24 и 31.

2) См. М. О. Коядовича «Дневникъ Люблинскаго сейма», 1869, стр. 290, 308. Ср. Ярошевича Obraz L'itwy, II, стр. 61—62.

Наконецъ, по вопросу о компетенціи литовско-русскаго сейма г. Любавскій высказываетъ нѣсколько такихъ положеній, съ которыми едвали можно согласиться въ виду несогласія ихъ съ документальными данными. Таково положеніе о томъ, что только во второмъ Статутѣ (II, 2) было опредѣлено, что впредь господарь самолично и по совѣту съ панами радою не будетъ дѣлать никакихъ «постановень обороны земское», безъ согласія на то сейма[1]). По справкѣ съ первымъ Статутомъ, однако, оказывается, что сказанное правило представляетъ собой не больше, какъ лишь дальнѣйшее развитіе и поясненіе соотвѣтственнаго правила перваго Статута. Именно въ первомъ артикулѣ II раздѣла этого Статута, постановленнаго «с призволенем рад наших суполных и всих подданных» (т. е. на сеймѣ), говорится, что «войну служити» каждый обязанъ «подле уфалы земское, которая на тотъ часъ будеть уставлена... яко устава будетъ». Подъ уставой же или ухвалой земской разумѣется въ Статутѣ и другихъ источникахъ постановленіе сейма, а не одного господаря съ радой, т. е. сеймовый законъ, позже получившій названіе сеймовой «конституціи». Такое же несоотвѣтствіе съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла замѣчается въ заключеніи г. Любавскаго о компетенціи сейма въ выработкѣ новыхъ законовъ. По его словамъ, расширеніе компетенціи сейма въ этомъ отношеній «опредѣлилось при Сигизмундѣ I только фактически, юридически же только при Сигизмундѣ-Августѣ, въ Статутѣ 1566 г.» (стр. 150). Въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 308—309) авторъ приводитъ шестой артикулъ третьяго раздѣла Статута 1529 г., гдѣ господарь обязывается соблюдать старые законы и обычаи, съ предоставленіемъ ему издавать новые законы «з ведомостью и порадою и с призволеньемъ» пановъ рады, безъ упоминанія о другихъ станахъ сейма, и заключаетъ отсюда, что право сейма участвовать въ созданіи всѣхъ вообще новыхъ законовъ опредѣлилось не при Сигизмундѣ I, но гораздо позже, при Сигизмундѣ Августѣ, въ Статутѣ 1566 г. Между тѣмъ, въ томъ же Статутѣ 1529 г., именно въ первомъ артикулѣ шестого раздѣла, находимъ, очевидно, неизвѣстное г. Любавскому, слѣдующее правило: «А которых бы артыкулов не было еще в тых правах (Статута) вышей писано (выписано); тогды тое право мает сужоно быти водле старого обычая, а на потомъ на волном (вальномъ) сойме тот члонок и иные того потреба вкажет мает уписано быти». Эти-то не согласныя между собой два правила по одному и тому вопросу вполнѣ напоминаютъ собой такія же противорѣчащія одному другому правила Статута 1566 г. по вопросу о правѣ отчужденія шляхетскихъ вотчинъ путемъ продажи и пр. Старое ограниченіе, допускавшее продажу только

1) См. «Лит.-рус. сеймъ», стр. 733.

третьей части земскаго имѣнія, было отмѣнено на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. Господарь приказалъ вписать въ Статутъ 1566 г. новое постановленіе сейма. Приказаніе это было исполнено чисто механически: новый артикулъ былъ дѣйствительно вписанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ осталось прежнее, ограничительное правило, отмѣнявшееся новымъ артикуломъ, такъ что получались отъ того редакціонныя несообразности и противорѣчія[1]). Въ обоихъ случаяхъ редакціонныя несообразности объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что редакторы Статута, вводя въ него новые законы, слѣпо слѣдовали исконному кодификаціонному правилу — ни въ чемъ «не рушать старины», выраженному въ первой половинѣ 6-го арт. III разд. Статута 1529 г. о «захованьи старыхъ привилевъ земских и звычаевъ». Эта консервативная тенденція и выразилась въ томъ же артикулѣ, констатирующемъ буквально старое правило земскаго привилея 1492 г. объ изданіи новыхъ законовъ съ согласія и дозволенія пановъ радъ, не смотря на то, что въ шестомъ раздѣлѣ того же Статута было внесено заимствованное изъ законодательной практики послѣдующаго времени, новое правило объ изданіи законовъ лишь на вальныхъ сеймахъ. Противорѣчіе между указанными статьями перваго Статута были, затѣмъ, сглажены въ Статутѣ 1566 г. признаніемъ общаго правила объ изданіи всяческихъ «земскихъ ухвалъ» исключительно на вальныхъ сеймахъ.

Въ результатѣ изложеннаго разбора книги г. Любавскаго (замѣтимъ, не юриста по своей спеціальности) мы приходимъ къ тому общему заключенію, что авторъ взялъ на себя непосильный трудъ разрѣшить совершенно неразработанную и даже не затронутую въ историко-юридической литературѣ тему по исторіи такого сложнаго вопроса, какъ литовско-русскій сеймъ въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Сдѣланный мной разборъ книги г. Любавскаго дозволяетъ сдѣлать тотъ выводъ, что въ научномъ отношеніи его трудъ отличается большими недостатками. Большинство своихъ выводовъ и заключеній авторъ построилъ на фактахъ, невѣрно понятыхъ; есть не мало такихъ положеній автора, которыя основаны на полномъ незнаніи или игнорированіи фактовъ, или же просто на голословныхъ гаданіяхъ, ничѣмъ не доказанныхъ. Но есть, затѣмъ, другая сторона дѣла: если научные выводы автора въ большинствѣ представляются ошибочными или недоказанными, то недостатки эти до извѣстной степени искупаются немаловажнымъ, съ нашей точки зрѣнія, достоинствомъ труда г. Любавскаго, какъ весьма цѣннаго сборника архивнаго матеріала, на изученіе котораго авторъ потратилъ не мало тяжелаго

---

1) Противорѣчія эти были сглажены лишь въ третьемъ Статутѣ. См. г. Любавскаго «Лит.-рус. сеймъ», стр. 743.

и кропотливаго труда. Матеріалъ этотъ, извлеченный главнымъ образомъ изъ Литовской Метрики, содержитъ массу новыхъ актовыхъ данныхъ по разнымъ отраслямъ литовско-русскаго права — государственнаго, финансоваго, гражданскаго и т. д. Въ этомъ отношеніи книга г. Любавскаго можетъ служить серьезнымъ подспорьемъ для изслѣдователей исторіи литовско-русскаго права и въ этомъ смыслѣ разбираемая книга представляетъ до извѣстной степени значительный вкладъ въ небогатую научными пособіями и источниками науку исторіи литовско-русскаго права.

Въ виду сказаннаго я полагаю, что, несмотря на значительные недостатки разбираемой книги, ея авторъ, въ виду цѣнности собраннаго имъ архивнаго матеріала, можетъ быть удостоенъ искомой преміи.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1904 года. За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Коринфскій*.

2020126340